

Вести

№8. 2021

НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Вести научных достижений.
Экономика и право
№ 8
2021

News of scientific achievements.
Economics and Law
№ 8
2021

Учредитель:
Общество с ограниченной
ответственностью «Офорт»

Publisher:
Limited liability company
«Ofort»

Главный редактор - Г.А.Нафикова,
кандидат юридических наук

Chief editor: G.A.Nafikova
PhD in law

Редакционный совет:
Хусаинов З.Ф., Гарипов Р.Ш.,
Хамитова Г.М., Фесина Е.Л.,
Куликова Л.И., Лыжова А.В.,
Алеткин П.А.

Editorial board:
Khusainov Z.F., Garipov R.Sh.,
Khamitova G.M., Fesina E.L.,
Kulikova L.I., Lyzhova A.V.,
Aletkin P.A.

Корректор – Мухутдинова К.С.

Proofreader – Mukhutdinova K.S.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Эл № ФС77-71649 от 13.11.2017

Почтовый адрес редакции:

420097, Республика Татарстан, г.Казань, ул.Академическая д.2, оф.009

e-mail: vesti.nd@yandex.ru

www.vestind.ru

тел./факс: +7 (843) 537-91-63, +7 (843) 537-91-23

За достоверность и точность данных, других материалов, приведенных
в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с выраженным мнением авторов.

При копировании текста статей ссылка на журнал обязательна.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Взаимодействие права и экономики является двусторонним: право должно соответствовать современным социальным, в том числе и экономическим, реалиям, а экономические агенты, определяя стратегии своего поведения, должны учитывать ограничения, которые накладывает на них существующая правовая система. Признание того факта, что правовые, политические, социальные и экономические процессы в любом обществе взаимосвязаны, привело к возникновению целого ряда научных направлений. Очередной номер «Экономика и право» яркое доказательство многообразия научных школ, изучающих данные направления.

Данный выпуск содержит актуальные вопросы права и экономики, а статьи представлены на русском и английском языках.

*Главный редактор,
кандидат юридических наук, доцент*
Гульнара Айдаровна Нафикова

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА.....	89
----------------------	----

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кузнецов С.В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СЛУЧАЯХ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	92
Благов Е.В. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	98
Голубев С.И. ИНТЕРЕСНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ.....	104
Лукьянов К.Н. РАЗВИТИЕ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	107
Авдуков А.А. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	110
Лукьянов К.Н. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД В РОССИИ И ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ КАЗАХСТАН	115

ЭКОНОМИКА

Колесник Е.Е., Ахмедова М.Р. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	120
Шалаева А.В. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРНЕТ-БИЗНЕСА В РОССИИ	126
Мохаммед Ахмед Солайман Давел Валлиаппан Раджу ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ НА КОНТРПРОДУКТИВНОЕ РАБОЧЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В МАЛАЗИЙСКИХ ЧАСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	129

CONTENTS

EDITOR'S WORD	89
---------------------	----

JURISPRUDENCE

Kuznetsov S.V. MODERN TRENDS IN THE EXPERT DEFINITION OF NON-PECUNIARY DAMAGE IN CASES OF INADEQUATE MEDICAL CARE	92
Blagov E.V. POLEMIC NOTES ON THE SUBJECT OF THE CRIME	98
Golubev S.I. INTERESTING AND USEFUL PUBLICATION.....	104
Lukyanov K.N. DEVELOPMENT OF TRAFFIC POLICE PATROL SERVICE IN MODERN CONDITIONS.....	107
Avdukov A.A. ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY AND THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-DETERMINATION	110
Lukyanov K.N. COMPARATIVE ANALYSIS OF TRAFFIC POLICE IN RUSSIA AND TRAFFIC POLICE IN KAZAKHSTAN	115

ECONOMY

Kolesnik E.E., Akhmedova M.R. PRACTICAL APPLICATION OF COGNITIVE MODELING IN THE AREA OF INFORMATION TECHNOLOGY	120
Shalaeva A.V. PROSPECTS OF INTERNET BUSINESS IN RUSSIA.....	126
Mohammed Ahmed Solaiman Dawel, Dr. Valliappan Raju INFLUENCES OF ORGANISATIONAL AND WORK-RELATED FACTORS ON COUNTERPRODUCTIVE WORK BEHAVIOUR IN MALAYSIAN PRIVATE ORGANISATIONS.....	129

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 340.6

ББК 67.53

Дата направления в редакцию: 10-03-2021

Дата рецензирования: 24-04-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Кузнецов Семён Валерьевич

*кандидат медицинских наук, доцент, юрист,
подполковник юстиции
старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»;
доцент юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
E-mail: nachsml@mail.ru*

Kuznetsov Semyon Valerevich

*candidate of medical sciences, associate professor,
jurist, lt. colonel of justice
senior researcher of the research Department
Saint-Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian
Federation;
associate professor of law faculty
Saint-Petersburg state agrarian university
E-mail: nachsml@mail.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СЛУЧАЯХ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ MODERN TRENDS IN THE EXPERT DEFINITION OF NON-PECUNIARY DAMAGE IN CASES OF INADEQUATE MEDICAL CARE

Аннотация (на рус). В статье рассматриваются механизмы комплексной судебно-медицинской судебно-психологической экспертной оценки физического и психического состояния пострадавшего от ненадлежащего оказания медицинской помощи (услуг).

Определены перспективные подходы установления размера компенсации морального вреда, обусловленного дефектами (недостатками) медицинской помощи.

Abstract (in Eng). The article deals with the mechanisms of complex forensic medical forensic psychological expert assessment of the physical and mental state of the victim from the inadequate medical care (services).

Promising approaches to determining the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by defects (disadvantages) of medical care are identified.

Ключевые слова: ненадлежащее оказание медицинской помощи (услуг), моральный вред, судебно-медицинская экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная экспертиза, врачебные ошибки, дефекты (недостатки) медицинской помощи.

Keywords: inadequate medical care (services), non-pecuniary damage, forensic medical examination, forensic psychological examination, comprehensive forensic examination, medical errors, defects (disadvantages) of medical care.

Причинение вреда жизни или здоровью гражданина умаляет его личные нематериальные блага, влечет физические или нравственные страдания. Поэтому потерпевший, наряду с возмещением нанесенного ему иму-

щественного вреда, имеет право на компенсацию морального вреда.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 20 декабря 1994 года № 10 [7] под моральным вредом понимаются нрав-

ственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Из приведенного выше следует, что суд в каждом своем решении должен раскрыть содержание морального вреда.

Моральный вред от ненадлежащей медицинской деятельности, в частности, в соответствии с абз. 2 этого же пункта, может заключаться в субъективных переживаниях и негативных ощущениях, связанных с:

- утратой родственников;
- невозможностью продолжать активную общественную жизнь;
- потерей работы;
- раскрытием семейной, врачебной тайны;
- распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина;
- временным ограничением или лишением каких-либо прав;
- физической болью из-за причиненного увечья или иного повреждения здоровья;
- заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

В случаях, когда в рамках уголовного судопроизводства вина медицинского работника доказана, факт причинения морального вреда предполагается постольку, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех вышеперечисленных случаях испытывает физические или нравственные страдания. На основании абз. 2 п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 года № 1 [8] установлению в данных ситуациях подлежит лишь размер компенсации морального вреда.

Вопрос установления судом размера компенсации морального вреда носит оценочный

характер. Это связано с тем, что действующее законодательство не содержит четких критериев для его определения. По общему правилу, судьи выносят решения в рамках предоставленной им законом свободы усмотрения [12].

Неимущественный вред взыскивается независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. В качестве критериев определения размера компенсации морального вреда, суду, с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств конкретного дела.

Законодатель в ст. 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [1] (далее – ГК РФ) презюмировал компенсацию морального вреда независимо от вины причинителя вреда, когда вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности. При этом вопрос возмещения морального вреда от ненадлежащей медицинской деятельности, как источника повышенной опасности, нами поднимался уже достаточно давно [4].

Дополнительным аспектом, создающим сложности в практике решения гражданских споров, является отсутствие конкретно сформулированных критериев качественной оценки компенсации морального вреда, а также методов количественного определения ее размера. Данная проблема, как никакая другая, относится к рассмотрению исковых заявлений о взыскании морального вреда в результате ненадлежащего осуществления медицинской деятельности.

Законодатель не ограничивает размеры компенсации морального вреда, а это значит, что в судебном «медицинском» споре пациент имеет право заявить любой размер компенсации, но при условии приведения доказательств обоснованности своих требований.

Из известных автору случаев максимальный размер компенсации морального вреда по делу, связанному с причинением вреда здоровью пациента, составил 15 000 000 рублей [9].

На 2016 год средний размер компенсации морального вреда в Москве установился в диапазоне от 5 000 до 50 000 рублей [2]. По более свежим данным требования о компенсации морального вреда удовлетворяются в пределах до 2 000 000 рублей, при этом средний размер компенсации составляет от 20 000 до 500 000 рублей [6].

В медицинской сфере деятельности известны факты заявления достаточно крупных исков о возмещении морального вреда не только в Санкт-Петербурге и Москве. Так, например, по иску к одному из областных государственных учреждений здравоохранения Саратовской области было заявлено требование о взыскании морального вреда в размере 5 000 000 рублей в пользу каждого из трех истцов.

В обоснование своих требований истцы указали, что смерть В. наступила 16 сентября 2017 года вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, а именно: при поступлении в медицинское учреждение В. был поставлен неверный диагноз, неправильно выбрана тактика лечения, лекарственные средства, рекомендованные В. столичными врачами-онкологами, были заменены на недопустимые аналоги, в период с июля по 16 сентября 2017 года никакого лечения В. не проводилось.

Обращаясь в суд с настоящим иском, истцы ссылались на то, что в связи со смертью В. им причинены нравственные и физические страдания.

Представители ответчика в суде первой инстанции иск не признали. Решением Вольского районного суда Саратовской области от 21 декабря 2018 года в удовлетворении исковых требований было отказано [10]. Суд первой инстанции указал на то, что наличие причинной связи между недостатками медицинской помощи и смертью В. не установлено, равно как не определена их связь с презюмируемым истцами моральным вредом. По мнению суда первой инстанции, факт причинения средней тяжести вреда здоровью В. при проведении лечения не является основанием для компенсации истцам морального вреда, поскольку вред был причинен не их здоровью. С данными выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием согласился суд апел-

ляционной инстанции, дополнительно указав на то, что В. при жизни с какими-либо требованиями к ответчику не обращалась.

При рассмотрении кассационной жалобы истцов в открытом судебном заседании 28 октября 2019 года судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ посчитала, что выводы судов первой и апелляционной инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права. При этом судебная коллегия исходила из норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и их толкования в соответствующих решениях Европейского Суда по правам человека в их взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, положениями ст. 150 и ст. 151 ГК РФ.

Из приведенных источников права следует, что моральный вред – это физические или нравственные страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. К числу таких нематериальных благ относится жизнь и здоровье, охрана которых гарантируется государством, в том числе путем оказания медицинской помощи.

Таким образом, судебная коллегия установила следующие значимые обстоятельства:

1. В случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи такого гражданина, поскольку, исходя из сложившихся семейных связей, характеризующихся близкими отношениями, духовным и эмоциональным родством между членами семьи, возможно причинение лично им (то есть членам семьи) нравственных и физических страданий (морального вреда) ненадлежащим оказанием медицинской помощи этому лицу.

2. Предыдущими судебными инстанциями не учтено, что требования о компенсации морального вреда были заявлены истцами, в том числе и в связи с тем, что лично им ответчиком

из-за ненадлежащего оказания медицинской помощи В. были причинены нравственные страдания, выразившиеся в переживаниях по поводу состояния здоровья близкого человека, длительном нахождении всей семьи в стрессовом состоянии.

Указанные доводы были положены в основу определения судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ об отмене ранее вынесенных судебных решений и направлении дела на новое рассмотрение.

На основании приведенных данных представляется, что в практической деятельности для надлежащего определения ущерба от морального вреда необходимо экспертное решение следующих вопросов:

1) Имеются ли (а если имеются, то каковы?) индивидуальные психологические (а также анатомические и физиологические) особенности личности подэкспертного, которые могли бы оказать существенное влияние на глубину и интенсивность субъективных переживаний от деяний ответчика?;

2) В какой мере отразились деяния ответчика на основных показателях физического и психического здоровья подэкспертного?;

3) Затронута ли иерархия основных жизненных ценностей подэкспертного и не нанес ли ей ущерб?;

4) Имеются ли признаки неблагоприятных изменений личности подэкспертного, а если имеются, то в чем они заключаются?;

5) Если негативные изменения обнаружены, то состоят ли они в причинно-следственной связи с деяниями ответчика?

В большинстве случаев причинение морального вреда как «страдания» означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме и негативных ощущений (физические страдания), и негативных представлений или переживаний (нравственные страдания). Содержанием переживаний может являться страх, стыд, унижение или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Достаточно очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпев-

шего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия [13].

С психологической точки зрения к описанию истцом характера его состояния следует относиться как к гипотезе: оно может полностью соответствовать действительности, соответствовать частично или совершенно от нее отличаться. Именно поэтому в медицине сложилась традиция отдельно фиксировать жалобы больного и объективный медицинский диагноз. Конечно, оспорить утверждение человека о переживаемом им страдании трудно, поскольку переживания являются тем субъективным опытом, которым располагает только сам индивид. Вместе с тем современные методы психодиагностики позволяют определить вид психических переживаний и уровень их интенсивности («степень страданий»). Люди, которые явились свидетелями физического неблагополучия человека, могут лишь строить предположения о его психическом статусе, так как они наблюдают только внешние проявления эмоций, которые поддаются сознательному контролю и, следовательно, не всегда однозначно соответствуют внутреннему состоянию. В этой связи назначение и проведение судебно-психологического экспертного обследования психической сферы потерпевшего позволяет получить информацию, которую бывает затруднительно извлечь иными способами [3].

Проявления сильных эмоциональных переживаний, психической травмы, о которых свидетельствуют сам гражданин, его близкие или лица, наблюдавшие за ним после причиненного ему вреда, могут рассматриваться в качестве повода для соответствующего обследования [11].

При определении морального вреда и его размера в ситуациях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, основными вопросами, требующими судебно-экспертного решения, будут установление психологических и медицинских признаков наличия данного вреда и признаков причинной связи с допущенными нарушениями. Представляется, что решение этих вопросов возможно в рамках комплексной судебно-медицинской психологической экспертизы.

С учетом ранее сделанных комментариев

к определению морального вреда, имеющего компоненты физических и (или) нравственных страданий, пределы компетенции в установлении указанных категорий страданий в случаях ятрогенных правонарушений должны быть разделены между сведущими лицами, обладающими специальными знаниями в необходимых научных областях, следующим образом:

- оценка наличия и степени нравственных страданий находится в компетенции судебного психолога;

- прерогатива установления по объективным медицинским данным наличия и степени физических страданий принадлежит судебно-медицинскому эксперту.

Также к компетенции судебно-медицинского эксперта стоит отнести определение признаков причинно-следственной связи мо-

рального вреда с ненадлежащим оказанием медицинской помощи в тех случаях, когда этот вред обусловлен физическими страданиями. В случае нравственных страданий вопрос причинно-следственной связи должен решаться на базе комплекса компетенций экспертов обоих направлений.

Таким образом, на основании приведенных сведений есть основание полагать, что авторская методика [5], включающая алгоритм определения причинной связи между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и возникшим материальным вредом, допустима также для использования в случаях причинения морального вреда.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Добрикова Е. Компенсация морального вреда: тенденции российской судебной практики // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/article/864733/> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Судебная экспертиза. – 2007. – № 3(11). – С. 79-86.
4. Кузнецов С.В. Возмещение вреда здоровью от ненадлежащей медицинской деятельности. Вопросы внедоговорных обязательств: монография / С.В. Кузнецов. – Саарбрюккен (Германия): LAP, 2012. – 72 с.
5. Кузнецов С.В. Методика судебно-медицинских экспертных исследований по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи // Медицинское право. – 2017. – № 6(76). – С. 35-41.
6. Московская окружная коллегия адвокатов. На какой размер компенсации можно рассчитывать за ошибку врачей // [Электронный ресурс] // URL: http://advokat-zashchitnik.ru/grazhdanskoe_pravo/kompensasyai_za_oshibku_vracha.html (дата обращения: 10.11.2020).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (дата обращения: 07.11.2020).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 07.11.2020).
9. Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 20.06.2014 по гражданскому делу № 2-3/14 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fshSkbR1LzZQ/> (дата обращения: 10.11.2020).
10. Решение Вольского районного суда Саратовской области от 21.12.2018 по гражданскому делу № 2-1-1042/2018 // [Электронный ресурс] // URL: <http://судебныерешения.рф/35841146> (дата обращения: 07.11.2020).
11. Романов В.В. Юридическая психология: учебник / В.В. Романов. – М.: Юристъ, 1998. – 488 с.
12. Суворов А.А., Кравченко Д.В. Судейское усмотрение: сборник статей Московского отделения Ассоциации юристов России / Отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин. – М.: Юстицинформ, 2020. – 176 с.
13. Эрделевский А.М. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 19-21.

References (transliterated)

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Dobrikova E. Kompensaciya moral'nogo vreda: tendencii rossijskoj sudebnoj praktiki // [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.garant.ru/article/864733/> (data obrashcheniya: 10.11.2020).
3. Engalychev V.F., Yuzhaninova A.L. Predmet i zadachi sudebno-psihologicheskoy ekspertizy po delam o kompensacii moral'nogo vreda // Sudebnaya ekspertiza. – 2007. – № 3(11). – S. 79-86.
4. Kuznecov S.V. Vozmeshchenie vreda zdorov'yu ot nenadlezhashchej medicinskoj deyatelnosti. Voprosy vnedogovornyh obyazatel'stv: monografiya / S.V. Kuznecov. – Saarbrücken (Germaniya): LAP, 2012. – 72 s.
5. Kuznecov S.V. Metodika sudebno-medicinskih ekspertnyh issledovanij po faktam nenadlezhashchego okazaniya medicinskoj pomoshchi // Medicinskoe pravo. – 2017. – № 6(76). – S. 35-41.
6. Moskovskaya okruzhnaya kollegiya advokatov. Na kakoj razmer kompensaciya mozhen rasschityvat' za oshibku vrachej // [Elektronnyj resurs] // URL: http://advokat-zashchitnik.ru/grazhdanskoe_pravo/kompensastyai_zh_o_shibky_vracha.html (data obrashcheniya: 10.11.2020).
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.12.1994 № 10 «Nekotorye voprosy primeneniya zakonodatel'stva o kompensacii moral'nogo vreda» // [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (data obrashcheniya: 07.11.2020).
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26.01.2010 № 1 «O primenении sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina» // [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (data obrashcheniya: 07.11.2020).
9. Reshenie Primorskogo rajonnogo suda goroda Sankt-Peterburga ot 20.06.2014 po grazhdanskomu delu № 2-3/14 // [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fshSkbR1LzZQ/> (data obrashcheniya: 10.11.2020).
10. Reshenie Vol'skogo rajonnogo suda Saratovskoj oblasti ot 21.12.2018 po grazhdanskomu delu № 2-1-1042/2018 // [Elektronnyj resurs] // URL: <http://sudebnyeresheniya.rf/35841146> (data obrashcheniya: 07.11.2020).
11. Romanov V.V. Yuridicheskaya psihologiya: uchebnyk / V.V. Romanov. – M.: Yurist», 1998. – 488 s.
12. Suvorov A.A., Kravchenko D.V. Sudejskoe usmotrenie: sbornik statej Moskovskogo otdeleniya Associacii yuristov Rossii / Otv. red. O.A. Egorova, V.A. Vajpan, D.A. Fomin. – M.: Yusticinform, 2020. – 176 s.
13. Erdelevskij A.M. Moral'nyj vred: sootnoshenie s drugimi vidami vreda // Rossijskaya yusticiya. – 1998. – № 6. – S. 19-21.

© С.В. Кузнецов, 2021

Ссылка на статью: Кузнецов С.В. - Современные тенденции экспертного определения морального вреда в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. – №8. – С. 92-97. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_92 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=6>

УДК 343.9

Дата направления в редакцию: 15-03-2021

Дата рецензирования: 31-03-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Благов Евгений Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

Blagov Evgeny Vladimirovich
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law
and criminology of the Yaroslavl State
University named after P.G. Demidova

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ POLEMIC NOTES ON THE SUBJECT OF THE CRIME

В связи с монографией С.И. Голубева «Предмет экологического преступления». (М.: Контракт, 2020. 176 с.)

Аннотация (на рус). *Высказываются соображения относительно современных теоретических представлений о предмете преступления, в том числе – по поводу беспредметных преступлений и возможности непричинения вреда предмету преступления. Показывается, что сложившиеся взгляды недостаточно учитывают действующее уголовно-правовое регулирование, которое, в свою очередь, не является эталоном логичности. В связи с этим, призывается просто договориться, что следует понимать под предметом преступления, в отличие от его объекта, и довести это до сведения законодателя.*

Abstract (in Eng). *Considerations are expressed regarding modern theoretical ideas about the subject of a crime, including about pointless crimes and the possibility of not causing harm to the subject of a crime. It is shown that the prevailing views do not sufficiently take into account the current criminal law regulation, which, in turn, is not a standard of consistency. In this regard, it is called upon to simply agree on what should be understood as the subject of a crime, as opposed to its object, and to bring this to the attention of the legislator.*

Ключевые слова: *предмет преступления, объект преступления, орудия и средства преступления, уголовное законодательство, предмет экологического преступления.*

Keywords: *subject of crime, object of crime, instruments and means of crime, criminal legislation, subject of environmental crime.*

Много уже копий сломано в дискуссиях по поводу предмета преступления. С.И. Голубев пустил в ход еще одно. Причем он исследовал предмет преступления не как таковой, а в преломлении к экологическим преступлениям. Видимо, автор исходил из известного методологического подхода, согласно которому, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы» [3]. В таком случае, важно не переборщить – не забраться слишком глубоко. Ведь можно было начать и с изучения объекта преступления или даже состава, к чему, несомненно, относится предмет преступления.

С.И. Голубев поступил корректно. Он не побежал «дистанцию огромного размера», а ограничился средней, ибо, как известно,

«нельзя объять необъятное».

Автор убедительно отразил актуальность и значимость избранной темы исследования [1]. Действительно, количественное накопление знаний по предметам отдельных экологических преступлений не может продолжаться бесконечно. Наступила пора, когда требуется обобщение имеющегося материала и проверки его на прочность.

В работе высказано немало интересных соображений в отношении предмета экологических преступлений. Однако, не умаляя достоинств сформулированных положений, хотелось бы обсудить другое – проблему самого предмета преступления, в том числе, в преломлении к экологическому преступлению.

С.И. Голубев обстоятельно изучил теоретические подходы к предмету преступления. При этом он выделил и разобрал научные позиции,

1) покоящиеся на органической связи предмета преступления с его объектом, и отрицающие их связь;

2) согласно которым предмет преступления является составной частью объекта преступления;

3) исходящие из того, что предметом преступления может признаваться любой элемент общественного отношения (субъект, предмет отношений и социальная связь, взаимные права и обязанности субъектов отношения);

4) признающие предметом преступления предмет общественных отношений;

5) основанные на признании двух групп предметов преступления: во-первых, находящихся в органической связи с объектом; во-вторых, не входящих в состав охраняемых общественных отношений и не находящихся с ними в связи;

6) в соответствии с которыми существуют предметные и беспредметные преступления;

7) согласно которым от преступного воздействия терпит урон предмет, а не объект преступления [1].

Концепция автора построена на различении предмета и объекта преступления. При этом он высказал осторожное мнение, что, вероятно, отождествление объекта и предмета преступления, произошло, «особенно в прошлом, как минимум по двум причинам: во-первых, из-за недостаточной разработанности теории уголовного права вообще и учения об объекте преступления, в частности; во-вторых, из-за смысловой однозначности указанных терминов» [1]. Наверное, он прав, различать объект и предмет преступления целесообразно. Проблема лишь в месте того и другого в составе преступления.

В русском языке объект – то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, внешний мер, материальная действительность, явление, предмет, на который направлена какая-нибудь деятельность, а предмет – всякое материальное явление, вещь, то, на что направлена мысль, что составляет ее содержание или на что направлено какое-нибудь действие [5]. И с этой точки зрения различить объект и предмет сложно.

Вместе с тем не грех было посмотреть контекст использования слов «предмет» и

«объект» в Особенной части уголовного законодательства, но как говорилось когда-то о декабристах, что страшно далеки они от народа [4], так и ученые-криминалисты приведенные слова пользуют по традиции, а не в соответствии с законом. При этом в упомянутой части содержатся указания:

– на применение предметов, используемых в качестве оружия (ст. 111, 112, 115, 126, 127, 162, 206, 211, 213, 227, 313 УК РФ);

– хищение предметов, имеющих соответствующую ценность (ст. 164), уклонение от их передачи государству (ст. 243.3);

– вымогательство предмета подкупа, которым являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера и иные имущественные права (ст. 200.5, 204, 204.1, 204.2);

– обещание скрыть, приобрести, сбыть предметы, добытые преступным путем (ст. 205.1);

– незаконный оборот огнестрельного оружия и т.п., что названо предметами (ст. 222, 223);

– изготовление и оборот порнографических предметов (ст. 242, 242.1, 242.2);

– поиск и (или) изъятие археологических предметов (ст. 243.2);

– приобретение знаний, практических умений и навыков при изучении правил обращения с предметами, представляющими опасность для окружающих (ст. 205.3, 212), применение таких предметов (ст. 212), нарушение правил обращения с ними (ст. 349);

– нарушение правил обращения с предметами, сведения о которых составляют государственную тайну (ст. 284);

– уничтожение или повреждение предметов военной техники (ст. 344, 346, 347, 348).

Широко пользуется обозначением предмета преступления практика. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлениях:

– от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» различает предметы хищения и предметы, используемые в качестве оружия, при разбое [6];

– от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» предметом преступления названы «наркотические средства,

психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, сильнодействующие или ядовитые вещества, новые потенциально опасные психоактивные вещества» [7];

– от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» обращается «внимание судов на то, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, являются не только денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком конкретного состава преступления (например, хищения, получения взятки), но и денежные средства или иное имущество, полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление (например, за убийство по найму) либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте» [8];

– от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» около пятидесяти раз говорится о предметах контрабанды [9];

– от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» свыше сорока раз упоминается предмет взяточничества (дачи, получения взятки, посредничества во взяточничестве) и (или) коммерческого подкупа, в том числе разъясняется, что «предметом взяточничества (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав» [10];

– от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» тридцать раз используется указание на предмет в отношении того, за незаконный оборот чего установлена ответственность в ст. 222 – 226.1 УК РФ, и уже в п. 1 сказано, что «судам

необходимо устанавливать, являются ли изъятые у него предметы оружием, его основными частями или комплектующими деталями, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, ответственность за незаконный оборот которых предусмотрена указанными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации» [11].

Получается, что термин «предмет» в Особенной части уголовного законодательства и на практике используется применительно к тому, а) в отношении чего совершается преступление и б) с помощью чего совершается преступление. При этом в теории признается недопустимость полисемии терминов [2]. Чтобы последней не было, за каждым термином должно быть свое содержание.

Несколько иная картина с использованием в Особенной части уголовного законодательства слова «объект». Оно задействовано шестьдесят шесть раз, причем в ст. 146, 205, 215.2, 215.3, 217, 243, 243.1, 243.4, 262, 263.1, 281, 242 УК РФ – отношении того, на что совершается посягательство.

Соответственно для уголовного законодательства, к сожалению, не принципиальны направления использования указания на предмет и объект преступления. Значит, нужно просто договориться, какое из них, что означает, и довести это до сведения нормотворца.

То, на что происходит посягательство, противостоит субъекту и логично, если будет называться объектом. А вот для того, с помощью чего совершается преступление, существуют альтернативные названия – орудия, средства и предметы преступления. Может быть, в соответствии с законом есть смысл термин «предмет преступления» зарезервировать для объективной стороны преступления. В противном случае получается почти как в известной басне И.А. Крылова. Закон, практика и теория двигаются сразу в нескольких направлениях.

И.С. Голубев считает, что разграничить предмет преступления и орудия или средства совершения преступления в целом можно «по следующим критериям: во-первых, по характеру их использования во время совершения преступления; если вещь применяется как инструмент воздействия на объект посягательства, то в зависимости от обстоятельств она

объему определяемого понятия. Да и общественная безопасность вряд ли является общественным отношением.

К слову, появилось несколько «крамольных» мыслей относительно экологической безопасности как объекта преступления. С одной стороны, по поводу того, какая экологическая безопасность имеется в виду – региональная, российская, континентальная, мировая и т.д. С другой стороны, по поводу того, может ли ей быть причинен вред, присущий преступлениям. Ведь, если может, то уже после первого же экологического преступления она превратится в свой антипод – экологическую опасность, посягательство на которую и причинение вреда которой последующими деяниями исключено. Или любое деяние окажется малозначительным (ч. 2 ст. 14 УК РФ), как, например, влияние на экологическую безопасность незаконной добычи нескольких котиков, морских бобров или других морских

млекопитающих в открытом море (ч. 2 ст. 256).

В заключение хочется отметить, что высказанные соображения ни в коей мере не претендуют на окончательность и соответственно не свидетельствуют о недостаточном качестве труда, проделанного С.И. Голубевым. Все сделано достаточно добротно.

Цель заметок – показать разницу между традициями и реальностью, желание призвать к большей связи теоретических конструкций с уголовным законом. Все-таки именно он должен быть начальным предметом для юридической науки, и лишь затем в результате его анализа к нему могут быть выражены претензии и формироваться собственные взгляды на выявленные проблемы. В противном случае, теоретики никогда не найдут общего языка, и будут ломаться и ломаться копыя в дискуссиях «слепого с глухим».

Библиография

1. Голубев С.И. Предмет экологического преступления. М.: Контракт, 2020. 176 с.
2. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления. М.: Проспект, 2014. 352 с.
3. Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – М.: Политиздат, 1972. Т. 15. С. 368 – 388.
4. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – М.: Политиздат, 1972. Т. 21. С. 255 – 262.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: АСТ: Мир и Образование, 2016. 1360 с.
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 4 – 6 (п. 14, 18, 20, 21, 23, 25).
7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9. С. 14 (п. 1).
8. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9. С. 18 (п. 1).
9. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 6. С. 13 – 16 (п. 3, 14, 15 – 18 и др.).
10. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9. С. 4 (п. 9).
11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5. С. 2.

References

1. Golubev S.I. Predmet ekologicheskogo prestupleniya. M.: Kontrakt, 2020. 176 s.
2. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya. M.: Prospekt, 2014. 352 s.
3. Lenin V.I. Otnosheniye k burzhuaznym partiyam // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – Izdaniye pyatoye. – M.: Politizdat, 1972. T. 15. S. 368 – 388.
4. Lenin V.I. Pamyati Gercena // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – Izdaniye pyatoye. – M.: Politizdat, 1972. T. 21. S. 255 – 262.
5. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. L.I. Skvorcova. – 27-e izd., ispr. – M.: AST: Mir i Obrazovanie, 2016. 1360 s.
6. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 2. S. 4 – 6 (p. 14, 18, 20, 21, 23, 25).
7. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2015. № 9. S. 14 (p. 1).
8. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2015. № 9. S. 18 (p. 1).
9. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2017. № 6. S. 13 – 16 (p. 3, 14, 15 – 18 i dr.).

10. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2013. № 9. S. 4 (p. 9).
11. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2002. № 5. S. 2.

© Е.В. Благов, 2021

Ссылка на статью: Благов Е.В. - Полемические заметки о предмете преступления // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 98-103. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_98 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=12>

Дата направления в редакцию: 26-04-2021

Дата рецензирования: 10-05-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Голубев Станислав Игоревич
*Кандидат юридических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) Федеральный
университет*

Golubev Stanislav Igorevich
*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University*

ИНТЕРЕСНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ

(Рец. на: Кузнецова Н.И., Шкеле М.В. Экологические преступления: теория и практика правоприменения: монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. – 172 с.)

INTERESTING AND USEFUL PUBLICATION

(Rec. na: Kuznecova N.I., Shkele M.V. Ekologicheskie prestupleniya: teoriya i praktika pravoprimereniya: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2020. – 172 s.)

Экологическая проблематика имеет неисчерпаемый исследовательский потенциал: в условиях осознания глобального характера угроз в области экологии каждая попытка ее изучения заведомо воспринимается как актуальная и значимая. Однако это небольшое преимущество с лихвой компенсируется повышенной сложностью экологических проблем для эффективного их решения. Об этом свидетельствуют, в частности, ежегодные государственные доклады о состоянии и об охране окружающей среды в РФ: в 2019 г. был подготовлен 28-й выпуск этого официального документа [1], большая часть которого (как и в прежние годы) посвящена изложению именно проблемных вопросов.

С учетом этого стремление авторов рецензируемой монографии еще раз обратить внимание на экологические преступления – самый тяжкий вид противоправной деятельности в сфере экологии – является вполне понятным и оправданным. Скажем сразу: в целом его можно признать удавшимся. С первых страниц монография располагает к себе читателя: эпиграф хорош не только своим глубоким, почти афористичным содержанием, но и масштабной личностью А.В.

Яблокова, безусловно, глубоко понимавшего экологические проблемы во всей их полноте; объяснение Н.И. Кузнецовой и М.В. Шкеле во введении своего интереса к теме логично развивает цитату, характеризующую основную идею научного труда.

Дальнейшее знакомство с содержанием книги также позволяет обнаружить размышления, выводы и применяемые авторами методы научного исследования, которые представляются плодотворными и с которыми мы готовы солидаризироваться. Так, уголовно-правовую характеристику экологических преступлений (гл. 3) предваряют рассуждения, касающиеся уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (гл. 1) и обусловленности ответственности за эти деяния (гл. 2). Правоприменительные проблемы (гл. 4) логично завершают основную часть монографии. Такая широта научного взгляда на проблему и логика, закреплённая в структуре рецензируемого труда, способствуют, по нашему мнению, более качественному научному исследованию.

Одним из достоинств монографии является опора на эмпирические данные, которые используются в двух основных видах: статистическая информация и судебная практика.

[1] О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В.Ломоносова, 2020. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения – 9.02.2021).

При этом, последняя широко иллюстрирует социальные последствия экологической преступности, составообразующие признаки экологических преступлений и, конечно, трудности их квалификации.

Отметим также, что авторы в своем исследовании не ограничились анализом исключительно действующего законодательства об экологических преступлениях, а рассмотрели его в динамике – с 1996 г. по настоящее время. Ценность такого подхода, на наш взгляд, заключается в целостном представлении о нормотворческой политике, позволяющем делать более взвешенные выводы относительно ее качества.

Позитивное впечатление производят такие авторские идеи, как обоснование необходимости отнесения контрабанды особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов к экологическим преступлениям (§ 4.2); предложения согласовывать уголовно-правовую терминологию с терминологией экологического законодательства (с. 114); выводы о недооценке в уголовном законодательстве общественной опасности экологических преступлений (с. 6) и др. Помимо этого, полагаем, что существенный научный потенциал имеют рассуждения авторов, касающиеся разграничения понятий «преступный вред», «преступный результат» и «преступные последствия» [2] (с. 78).

Вместе с тем, рецензируемый научный труд не свободен от качеств и положений, которые представляются нам весьма спорными, или требующими корректировки со стороны авторов в их дальнейших научных исследованиях. Акцентируем внимание на следующих. Так, нам показалось, что в некоторых случаях

авторы заменяют обоснование своих конкретных выводов ссылкой на собственное мнение: «нам импонирует» (с. 9), «оправданной видится санкция» (с. 14), «решение представляется обоснованным» [3] (с. 15) и др.

С некоторые из положений рецензируемого труда трудно согласиться. Например, отнесение к «основным источникам правовой регламентации уголовной ответственности за экологические преступления» постановлений Пленума Верховного Суда РФ и подзаконных нормативных актов Правительства РФ (с. 18–19); характеристика уголовной политики как «своеобразного угла зрения на понятие добра и зла» (с. 7); мнение о том, что принципы уголовного права «не выражают особенностей охраны окружающей среды от преступных посягательств» [4] (с. 20); не убеждает аргументация предложения исключить из гл. 22 УК РФ ст. 191 [1] (с. 101–107), а также отождествление понятий «древесина» и «лесные насаждения» (с. 102). Весьма противоречивой является, на наш взгляд, цепочка рассуждений о том, что «мертвые» нормы гл. 26 УК РФ «социально обусловлены» и, одновременно, имеют «несовершенную конструкцию» [5] (с. 27) – приведенные положения являются взаимоисключающими. Сомневаемся мы и в смежности составов 245 и 258 [1] УК РФ: если следовать логике авторов и принять за основу способ совершения преступления, то «смежными» можно считать все насильственные, служебные и иные преступления, которые совершаются типовыми способами.

Трудно обойти вниманием и еще одну особенность монографии Н.И. Кузнецовой и М.В. Шкеле, которая, по нашему мнению, должна быть упомянута среди ее дискуссии

[2] Остается лишь сожалеть, что этот потенциал реализован недостаточно полно. К примеру, авторы не прокомментировали бросающуюся в глаза терминологическую полифонию в части законодательного описания последствий экологических преступлений в УК РФ: «последствия» (ст. 246, 248, 249, 257), «существенный вред» (ст. 247, 250), «ущерб» (ст. 255, 256, 258, 261), «размер» (ст. 260).

[3] В данном случае номинальное обоснование присутствует – авторы справедливо замечают, что совершение преступления лицом с использованием служебного положения обладает повышенной общественной опасностью. Это бесспорно, однако не отвечает на вопрос, почему из множества обстоятельств, существенно повышающих опасность преступления, законодатель выбрал именно использование субъектом своего служебного положения? Иначе говоря, насколько обоснованно ст. 2581 УК РФ была дополнена именно этим квалифицирующим признаком?

[4] Должны ли принципы как общие правовые положения отражать особенности регулирования в конкретной сфере? Думается, нет.

[5] Считаю ошибочным отнесение не применяющихся в практике норм гл. 26 УК РФ к «искусственно умерщвленным», т.к. используемая авторами классификация подразумевает под этой группой «нормы, которые не используются по причине недостатков правоприменительной практики». Следовательно, если в основе неприменения лежат недостатки закона – это «мертворожденные нормы».

онных характеристик. У нас создалось впечатление, что многие выводы основываются на ранее проведенных научных исследованиях. Это является не только допустимой, но и обычной научной практикой, но при условии, что, наряду с этим, исследователь предлагает свое видение или обоснование какой-либо проблемы. В данном случае нам показалось, что баланс нарушен за счет преобладания цитирования.

Не всегда название параграфа работы соответствует его содержанию. Так, § 4.6 назван «Перспективы совершенствования законодательства об ответственности за экологические преступления», но при этом он полностью посвящен критическому анализу научного проекта УК РФ, подготовленного группой ученых и изданного в 2019 г. под ред. Н.А. Лопашенко. Мы убеждены, что наименование рассматриваемого структурного компонента монографии требовало обоснованного изло-

жения авторского видения соответствующих перспектив, а не только критики уже предложенных: такой критике больше соответствует научный формат рецензии.

В-пятых, невозможно было не заметить некоторый диссонанс в наименовании и содержании § 4.4 рецензируемого труда: его название ориентирует читателя на правоприменительные проблемы, тогда как содержание посвящено недостаткам уголовного законодательства, и даже используемая судебная практика иллюстрирует именно их. Не вполне согласуется, на наш взгляд, название и содержание главы 4 монографии.

Резюмируя изложенное, выскажем убеждение, что монография Н.И. Кузнецовой и М.В. Шкеле углубляет наши представления о проблемах уголовно-правовой охраны природной среды и ее компонентов и заслуживает внимания юридической общественности.

© С.И. Голубев, 2021

Ссылка на статью: Голубев С.И. - Интересное и полезное издание (Рец. на: Кузнецова Н.И., Шкеле М.В. Экологические преступления: теория и практика правоприменения: монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. – 172 с.) // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 104-106. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_104 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=18>

УДК 351.811.122

Дата направления в редакцию: 11-03-2021

Дата рецензирования: 24-04-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Лукьянов Константин Николаевич
*преподаватель кафедры организации
 деятельности подразделений по обеспечению
 безопасности дорожного движения
 Московский университет Министерства
 внутренних дел Российской Федерации имени
 В. Я. Кикотя (Московский областной филиал)
 Россия, Москва,
 E-mail: ko-lukyanov@mail.ru*

Lukyanov Konstantin Nikolaevich
*Lecturer at the Department of Organization
 of Road Safety Units Functioning
 Moscow University of the Ministry of Internal
 Affairs of the Russian Federation named
 after V. Ya. Kikotya
 (Moscow Regional Branch)
 Russia, Moscow,
 E-mail: ko-lukyanov@mail.ru*

РАЗВИТИЕ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

DEVELOPMENT OF TRAFFIC POLICE PATROL SERVICE IN MODERN CONDITIONS

Аннотация (на рус). Изучение проблем работы дорожно-патрульной службы ГИБДД позволяет найти ответы на вопросы эффективного функционирования. Современное состояние дорожно-патрульной службы ГИБДД характеризуется динамичным изменением в деятельности сотрудников, изменением полномочий и как следствие, всей системы взаимодействия сотрудников и водителей. Обсуждаемые изменения имеют как положительные, так и отрицательные стороны, отраженные автором в статье.

Abstract (in Eng). Studying the problems of the traffic police patrol service allows us to find answers to questions about effective functioning. The current state of the traffic police patrol service is characterized by a dynamic change in the activities of employees, a change in authority and, as a result, the entire system of interaction between employees and drivers. The changes discussed have both positive and negative aspects reflected by the authors of the article.

Ключевые слова: дорожно-патрульная служба, ГИБДД, ППС, водитель, сотрудник, закон, полиция, автомобиль.

Keywords: road patrol service, traffic police, PPP, driver, employee, law, police, car.

«Все уличное движение обязано придерживаться следующего порядка: пешеходы уступают дорогу ручной повозке, повозка - извозчику, извозчик - автомашине, а автомашина общего назначения - всем машинам специального назначения и автобусу» (Из Правил дорожного движения, 1936 год).

Различные явления социальной жизни актуализируются при определенных условиях и определяют изменения в тех или иных правоотношениях. Не останавливаясь детально на становлении дорожно-патрульной службы ГИБДД отметим, что каждый этап исторического развития сопровождался, с учетом специфики происходящих исторических событий, своими особенностями.

Представления о дорожно-патрульной службе ГИБДД в современных условиях

можно выстроить с точки зрения правовой составляющей, развития законодательства в этой сфере и изменений в деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД, прав и обязанностей сотрудников ГИБДД.

В 2017-2018 гг. в России реализовывалась Государственная стратегия безопасности дорожного движения, а в 2019-2020 гг. Федеральный проект «Безопасность дорожного движения» Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги».

Позже было принято Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» [3].

Общение с инспектором ДПС — неотъемлемая часть жизни водителей в России. Права

и обязанности сотрудников ГИБДД регулируются несколькими документами. К ним в первую очередь относятся Правила дорожного движения (ПДД), федеральный закон «О полиции» [4] и приказ МВД № 664 [2]. Важно то, что в них постоянно вносятся поправки, из-за чего у водителя нередко возникают сомнения в законности действий представителя власти.

С современных системных позиций процесс изменений в области деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД можно назвать выбором оптимальных средств для достижения государственных целей в области безопасности дорожного движения.

Исследования, в основу которых положены эмпирические данные, по мнению некоторых исследователей, свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства в области прав инспекторов ДПС.

В частности, обсуждается вопрос об изъятии СТС у водителей, в случае выявления на дороге машины с неисправностью, при которой эксплуатация запрещена. Данный законопроект находится на рассмотрении и еще не принят.

До 2018 года сотрудники ГИБДД имели право снять с автомобиля регистрационные знаки, например, из-за слишком сильной тонировки или отсутствия полиса ОСАГО. Теперь данная норма может вернуться, только в новой форме: вместо «скрученных номеров» водителю дадут трое суток на устранение неисправностей, а если он не справится — заберут СТС.

В современных условиях предлагается проводить экспресс-тесты на алкоголь. Глава ГУОБДД РФ Михаил Черников предлагает использовать специальные приборы, которые будут срабатывать за 15 секунд, что позволит инспектору оперативно установить, употреблял ли водитель запрещенные вещества или нет [1].

По мнению М. Черникова «это не алкотестер — это средство индикации, это возможность установления употребления не только спиртных напитков, но и наркотических веществ. И это поможет ограничивать дорожное движение».

Экспресс-тесты на алкоголь и наркотики являются часто используемыми в европей-

ских странах, но чаще в рейдах при сплошных проверках. Важно и то, что такие проверки не имеют юридических последствий — как правило, при положительном результате водителя все равно ждет медосвидетельствование. К тому же, по мнению движения автомобилистов «Свобода выбора», узаконивание использования экспресс-тестов однозначно станет еще одной возможностью имитировать выявление у водителя опьянения и наверняка будет использовано как очередной повод для вымогательства взяток на дорогах. Многие сотрудники ДПС уже сейчас незаконно используют портативные алкотестеры (личные и никем не сертифицированные).

Следует так же отметить, что рассматривается вопрос о возможности вскрытия автомобиля сотрудниками дорожно-патрульной службы ГИБДД, наряду с наличием таких полномочий у сотрудников полиции и Росгвардии.

В 2021 года в целях совершенствования работы дорожно-патрульной службы ГИБДД вводятся следующие нововведения.

С 1 марта 2021 года диагностическая карта на автомобиль будет оформляться в электронном виде. Процедура прохождения предусматривает фотофиксацию до и после освидетельствования машины. Если возраст автомобиля меньше четырех лет, техосмотр не проводится, если автомашине от четырех до десяти лет — раз в два года, если старше десяти лет — ежегодно.

С 1 июня 2021 года расширяется список неисправностей, при которых запрещено эксплуатировать транспорт. Особое внимание уделяется тормозной системе, рулевому управлению.

В связи с изменением способа прохождения техосмотра в закон об ОСАГО будут внесены поправки. Они ужесточат меры финансового воздействия на водителя, не прошедшего техосмотр. При отсутствии диагностической карты в случае дорожно-транспортного происшествия по причине неисправности транспортного средства виновного водителя возмещение ущерба может быть возложено на этого водителя.

Основная функция деятельности ГИБДД — обеспечение безопасности, контроль за соблюдением автомобилистами ПДД, оказание

помощи водителям. Реформирование в любой выбранной форме (будь то объединение с ППС или же создание отдельной государственной структуры в виде дорожной полиции) должно быть направлено на выведение деятельности подразделения на новый уровень, учитывая современный уровень развития общества.

Библиография

1. ГИБДД получит приборы для мгновенного выявления нетрезвых водителей // URL: <https://ria.ru/20201120/voditeli-1585445810.html> (Дата обращения: 21.02.2021)
2. Приказ МВД России от 23.08.2017 N 664 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 N 48459) // Российская газета. – 2017. - N 232.
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 N 1-п «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» // Российская газета. – 2018. - N 15.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета. – 2011 - N 28

References (transliterated)

1. GIBDD poluchit pribory dlya mgnovennogo vyyavleniya netrezvyh voditelej // URL: <https://ria.ru/20201120/voditeli-1585445810.html> (Data obrashcheniya: 21.02.2021)
2. Prikaz MVD Rossii ot 23.08.2017 N 664 (red. ot 21.12.2017) «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta ispolneniya Ministerstvom vnutrennih del Rossijskoj Federacii gosudarstvennoj funkicii po osushchestvleniyu federal'nogo gosudarstvennogo nadzora za soblyudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizheniya trebovanij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 06.10.2017 N 48459) // Rossijskaya gazeta. – 2017. - N 232.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.01.2018 N 1-r «Ob utverzhdenii Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii na 2018 - 2024 gody» // Rossijskaya gazeta. – 2018. - N 15.
4. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 N 3-FZ (red. ot 06.02.2020) «O policii» // Rossijskaya gazeta. – 2011 - N 28

© К.Н. Лукьянов, 2021

Ссылка на статью: Лукьянов К.Н. - Развитие дорожно-патрульной службы ГИБДД в современных условиях // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 107-109. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_107 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=21>

УДК 341.1/8

Дата направления в редакцию: 11-04-2021

Дата рецензирования: 14-05-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Авдуков Александр Анатольевич

*Студент 1 курса, Юридический факультет
Финансовый университет при Правительстве
РФ*

e-mail: alexanderavdukov@yandex.ru

Ковалева Наталья Витальевна

*Научный руководитель, доктор юридических
наук, профессор Департамента
международного и публичного права
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации*

Avdukov Alexander Anatolyevich

*student, Faculty of Law
Financial University under the Government of the
Russian Federation*

e-mail: alexanderavdukov@yandex.ru

Kovaleva Natalia Vitalievna

*Research Supervisor, Doctor of Law, Professor of the
Department of
International and Public Law
Financial University under the Government of the
Russian Federation*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY AND THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-DETERMINATION

Аннотация (на рус). В статье предпринята попытка проанализировать проблему соотношения принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение. Этно-территориальные конфликты конца XX, начала XXI века, делают данную проблему актуальной. Общеизвестное толкование соотношения вышеперечисленных принципов является необходимым условием разрешения ряда конфликтов. В статье рассматриваются основные подходы и мнения как ученых, так и национальных и международных структур.

Abstract (in Eng). The article attempts to analyze the problem of correlation between the principle of territorial integrity and the right of peoples to self-determination. The ethno-territorial conflicts of the late XX and early XXI centuries make this problem relevant. A generally accepted interpretation of the correlation of the above principles is a necessary condition for resolving a number of conflicts. The article examines the main approaches and opinions of both scientists and national and international structures.

Ключевые слова: международное право, принципы международного права.

Keywords: international law, principles of international law.

Международное право является важнейшей отраслью права, регулирующей межгосударственные отношения путем установления и защиты принципов взаимодействия в международном сообществе. Являясь важнейшим регулятором отношений в мировом сообществе, оно содержит положения, вопрос о толковании и соотношении которых не разрешен до сих пор. Таковыми являются два его основополагающих принципа: право наций на самоопределение и принцип территориальной целостности. Прежде чем говорить об их соотношении, необходимо обратиться к их сущности и источникам.

Принцип самоопределения народов – один

из основополагающих принципов международного права. Пункт 2, статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций (далее по тексту ООН) говорит о том, что цель ООН – это развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов [1]. Сущность права наций на самоопределение раскрывалась в нескольких международных нормативно – правовых актах, таких как «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г», «Пакт о правах человека 1966 г» и «Декларация о принципах международного права 1970 г». Наиболее полное закрепление данный

принцип международного права получил в Декларации 1960 года. Закрепляя право народов на самоопределение она гарантирует им право самостоятельно устанавливать свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие [2]. В свою очередь, в обязанности государства вменяется обеспечение народов, проживающих на его территории возможностью реализовать свое право на самоопределение.

Еще одним основополагающим принципом международного права, наряду с правом наций на самоопределение является принцип территориальной целостности государства. Впервые он был закреплен в п. 4 ст. 2 устава ООН, а в дальнейшем был включен в «Декларацию об укреплении международной безопасности» 1970 года [3]. Его содержание, согласно вышеперечисленным источникам, состоит в том, что государства воздерживаются от взаимного давления, оккупации, территориальной экспансии и поддержки и использования сепаратизма. Однако, народ, который решит обратиться к своему праву на самоопределение и реализовать его путем создания нового, независимого государства, фактически, нарушит принцип территориальной целостности, согласно которому территория государства не может быть изменена без его согласия. В результате этого, возникает юридическое противоречие, вопрос о разрешении которого, в связи с провозглашением независимости Республики Косово, Республики Абхазия и т. д., весьма актуален.

В рамках данной тематики важно отметить, что существует ряд правовых подходов, дающих толкование вышеописанным принципам международного права и, соответственно, рассматривающих их соотношение. Вопрос о соотношении права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности изучила, в 1999 году, Венецианская комиссия. Рассмотрев данный вопрос с точки зрения конституционного права, комиссия заключила, что конституции не содержат положений об отделении каких-либо частей страны. Напротив, большинство конституций закрепляют нерушимость и целостность государства. В связи с этим, комиссия пришла к выводу, что на сегодняшний день, право на самоопределение надлежит трактовать

в первую очередь как внутреннее—не предусматривающее нарушение общепринятых государственных границ, а не как внешнее — направленное на отделение и создания самостоятельного государства [4]. Схожую точку зрения высказал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 марта 1992 года, где он заключил, что, признавая право наций на самоопределение, которое должно реализовываться лишь свободным волеизъявлением в правовых рамках необходимо понимать, что данное право имеет определенные границы и ограничивается в своей реализации территориальной целостностью государства и общепризнанным принципом соблюдения прав человека [5]. Таким образом, Конституционный Суд формально закрепил верховенство принципа территориальной целостности над правом наций на самоопределение и постановил, что реализация этого права возможна лишь в рамках единого государства. Наиболее компромиссное, и в то же время неопределенное мнение о соотношении принципов права высказал американский ученый Рональд Дворкин. В труде «О правах всерьез» он пишет, что принципы, в отличие от правовых норм могут, без правового обоснования, обладать различным правовым статусом, а правоприменитель наделяется правомочием самостоятельно определить приоритетность какого-либо принципа исходя из действующей правовой реальности [6]. Не отвечая на вопрос о иерархичности принципов международного права, ученый лишь подчеркивает важность судебной системы в её определении и разрешении возникающего противоречия.

Возможное решение данного противоречия, содержится в Декларации 1970 года где разъясняется, что право наций на самоопределение, в целом, не является основанием для разделения государства и нарушения его территориальной целостности. Это право может реализовываться путем создания нового, независимого государства лишь при определенных условиях, а именно: если государство в котором проживает национальная общность стремящаяся реализовать свое право на самоопределение путем выхода из его состава объективно не обеспечивает равноправие и самоопределение народов его населяющих. Таким

образом, реализация права на самоопределение через создание независимого государства нарушает принцип территориальной целостности государства лишь при условии, что оно создает все условия для равноправного проживания населяющих его народов и их свободного самоопределения и защиты своих прав [7]. Декларация 1970 года, однако, не закрепляет ряд немаловажных, с точки зрения правоприменения, правовых аспектов. Декларация не закрепляет, в компетенции какого института международного права находится определение степени равноправия и свободного самоопределения народов в определенном государстве. Положения Декларации не разъясняют, подразумевает ли обеспечение права на самоопределение, возможность его реализации путем создания суверенного государства. Соответственно, сохраняется вопрос о том, как именно соотносится реализация права на самоопределение и территориальная целостность государства. Четкого и однозначного разграничения, соотношения и законодательно утвержденного толкования этих принципов, закрепленного в соответствующих нормативно-правовых актах, не существует.

Обращаясь к мнению международных и национальных структур по данному вопросу, необходимо рассмотреть позицию Парламентской ассамблеи Совета Европы (далее ПАСЕ), содержащуюся в резолюции № 1832, принятой на заседании ПАСЕ в Страсбурге 4 октября 2011 года. Она закрепляет, что реализацию права народов на самоопределение необходимо трактовать как защиту прав национальной общности, а право на самоопределение не предполагает и не содержит в себе права на отделение и учреждение собственного суверенного государства [8]. Таким образом, право наций на самоопределение не при каких обстоятельствах не вступает в противоречие с принципом территориальной целостности государства, так как это право не предполагает его реализации посредством создания нового государства. Оно лишь гарантирует защиту прав народа, осуществляемую строго в рамках существующего государства, на территории которого он проживает. В то же время, в заключении по делу, касающемуся Восточного Тимора, от 30 июня 1995 г. Международный суд ООН постановил, что право наций на

самоопределение признано как в Уставе ООН, так и в практике Суда и является одним из основополагающих принципов современного международного права [9]. В дальнейшем, ООН признала и независимость Восточного Тимора, и отделение его от Индонезии. С этим решением согласен и профессор Руслан Махарович Кочкаров который полагает, что суверенитет народа и его право на самоопределение непосредственным образом связаны с категорией «территориальная целостность», так как она включает в себя и самоопределение и суверенитет народа проживающего на территории данного государства. Таким образом, ученый предлагает трактовать территориальную целостность в качестве принципа международного права, гарантирующего неприкосновенность территории государства лишь от внешних угроз и посягательств [10, с. 13].

Таким образом, стоит сказать, что на сегодняшний день существует несколько основных точек зрения по вопросу соотношения права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности. Некоторые из них отдают приоритет одному из этих положений международного права признавая его высшую юридическую силу по отношению к другому. Ряд ученых выдвигают компромиссное мнение, говоря о равном статусе и юридической силе данных принципов. Помимо этого, существует точка зрения, согласно которой принцип территориальной целостности предполагает защиту государства лишь от внешней угрозы и не содержит в себе противоречия по отношению к праву народов на самоопределение. Однако, наиболее распространенным и, возможно, объективным является мнение, принятое большинством, как международных, так и национальных структур заключающееся в том, что право народов на самоопределение не содержит противоречия с принципом территориальной целостности, так как не предполагает его нарушения.

Подводя итог необходимо сказать, что окончательный вывод о соотношении затронутых выше положений международного права сделать не представляется возможным. В то же время, ввиду целого ряда сравнительно недавних событий, таких как провозглашение независимости Республики Южная Осетия и

т.д., данный вопрос требует скорейшего разрешения и его законодательного закрепления.

Библиография

1. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/introductory-note/index.html> (дата обращения 20.11.2020).
2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения 20.11.2020).
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. // «Действующее международное право». Т. 2.
4. Venice Commission. Self-determination and secession in constitutional law, CDL-INF(2000)002 (англ.), 41th Meeting (Venice, 10-11 December 1999). [Электронный ресурс] // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF\(2000\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2000)002-e) (дата обращения 20.11.2020).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1675704/> (дата обращения 20.11.2020).
6. Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 51.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании ГА ООН) [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций [сайт]. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2625%28XXV%29> (дата обращения 20.11.2020).
8. Резолюция ПАСЕ от 4 октября 2011 года №1832 (2011) Национальный суверенитет и государственность в современном международном праве: необходимость прояснения вопроса. [Электронный ресурс] // Совет Европы [сайт]. // URL: https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/%5Bussian_documents%5D/%5B2011%5D/%5BOct2011%5D/Res1832_rus.asp (дата обращения 20.11.2020).
9. East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, para. 29.
10. Кочкаров Р.М. Конституционные основы суверенитета народов и нации и единство российской государственности: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1997. 24 с.

References (transliterated)

1. Ustav OON [Elektronnyj resurs] // Organizaciya ob»edinennyh nacij [sajt]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/introductory-note/index.html> (data obrashcheniya 20.11.2020).
2. Deklaraciya o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nyh stranam i narodam [Elektronnyj resurs] // Organizaciya ob»edinennyh nacij [sajt]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (data obrashcheniya 20.11.2020).
3. Rezolyuciya General'noj Assamblei OON 2734 (XXV) «Deklaraciya ob ukreplenii mezhdunarodnoj bezopasnosti» ot 16 dekabrya 1970 g. // «Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo». T. 2.
4. Venice Commission. Self-determination and secession in constitutional law, CDL-INF(2000)002 (angl.), 41th Meeting (Venice, 10-11 December 1999). [Elektronnyj resurs] // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF\(2000\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2000)002-e) (data obrashcheniya 20.11.2020).
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13 marta 1992 g. N 3-P «»Po delu o proverke konstitucionnosti Deklaracii o gosudarstvennom suverenitete Tatarskoj SSR ot 30 avgusta 1990 goda, Zakona Tatarskoj SSR ot 18 aprelya 1991 goda «»Ob izmeneniyah i dopolneniyah Konstitucii (Osnovnogo Zakona) Tatarskoj SSR», Zakona Tatarskoj SSR ot 29 noyabrya 1991 goda «»O referendume Tatarskoj SSR», postanovleniya Verhovnogo Soveta Respubliki Tatarstan ot 21 fevralya 1992 goda «»O provedenii referenduma Respubliki Tatarstan po voprosu o gosudarstvennom statuse Respubliki Tatarstan» [Elektronnyj resurs] // GARANT. RU // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1675704/> (data obrashcheniya 20.11.2020).
6. Dvorkin R. O pravah vs'er'ez. M., 2004. S. 51.
7. Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchihsya druzhestvennyh otnoshenij i

sotrudnichestva mezhdu gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom OON (prinyata 24.10.1970 Rezolyuciej 2625 (XXV) na 1883-em plenarnom zasedanii GA OON) [Elektronnyj resurs] // Organizaciya ob»edinennyh nacij [sajt]. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2625%28XXV%29> (data obrashcheniya 20.11.2020).

8. Rezolyuciya PASE ot 4 oktyabrya 2011 goda №1832 (2011) Nacional'nyj suverenitet i gosudarstvennost' v sovremennom mezhdunarodnom prave: neobhodimost' proyasneniya voprosa. [Elektronnyj resurs] // Sovet Evropy [sajt]. // URL: https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2011%5D/%5B2011%5D/Res1832_rus.asp (data obrashcheniya 20.11.2020).

9. East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, para. 29.

10. Kochkarov P.M. Konstitucionnye osnovy suvereniteta narodov i nacji i edin-stvo rossijskoj gosudarstvennosti: avtoref. dis. kand. jurid. nauk. M., 1997. 24 s.

© А.А. Авдуков, 2021

Ссылка на статью: Авдуков А.А. - К вопросу о соотношении принципа территориальной целостности и права наций на самоопределение // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 110-114. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_110 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=24>

УДК 351.811.122

Дата направления в редакцию: 11-03-2021

Дата рецензирования: 24-04-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Лукьянов Константин Николаевич
*преподаватель кафедры организации
деятельности подразделений по обеспечению
безопасности дорожного движения
Московский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени
В. Я. Кикотя (Московский областной филиал)
Россия, Москва,
E-mail: ko-lukyanov@mail.ru*

Lukyanov Konstantin Nikolaevich
*Lecturer at the Department of Organization
of Road Safety Units Functioning
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation named
after V. Ya. Kikotya
(Moscow Regional Branch)
Russia, Moscow,
E-mail: ko-lukyanov@mail.ru*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД В РОССИИ И ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ КАЗАХСТАН

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRAFFIC POLICE IN RUSSIA AND TRAFFIC POLICE IN KAZAKHSTAN

Аннотация (на рус). Основная задача дорожно-патрульной службы заключается в решении вопросов соблюдения и обеспечения безопасности на дорогах. По мнению автора, наличие дополнительных компетенций у дорожно-патрульной службы ГИБДД в России позволит решать более глобальные задачи в области обеспечения безопасности и противодействия преступности. Прекрасный опыт реализации новых функций и созданию универсального органа сложился в Республике Казахстан. Автором статьи приводится пример новых форматов работы с населением, такие как фронт-офисы и приемная на дорогах.

Abstract (in Eng). The main task of the road patrol service is to address compliance and road safety issues. According to the author, the presence of additional competencies in the traffic police patrol service in Russia will solve more global problems in the field of ensuring safety and countering crime. The Republic of Kazakhstan has developed an excellent experience in implementing new functions and creating a universal body. The author of the article gives an example of new formats for working with the population, such as front offices and a reception room on the roads.

Ключевые слова: дорожно-патрульная служба ГИБДД, дорожная полиция, безопасность, противодействие, дорога, консультирование, управление, полицейский, водитель, пешеход.

Keywords: traffic police patrol service, road police, safety, counteraction, road, counseling, management, policeman, driver, pedestrian.

Важнейшей составляющей проводимой реформы в области административного управления является совершенствование деятельности в зависимости от рассматриваемой страны дорожно-патрульной службы или дорожной полиции законодательными механизмами регулирования на пути к обеспечению безопасности на дорогах.

Дорожно-патрульную службу в разных странах при разности ее названий (Polizei, Police, Polizia, Rendőrség) во всех странах имеют единые функции и сферу деятельности, однако работа дорожно-патрульных

служб, равно как и обычных полицейских, в разных странах налажена совершенно по-разному.

Пути возможного решения целого ряда актуальных проблем в рассматриваемой сфере могут быть подсказаны результатами сравнительного анализа России и Казахстана, как нашего близкого соседа.

Основными задачами органов дорожно-патрульной службы в России является решение вопросов соблюдения и обеспечения безопасности на дороге.

Несколько шире, чем в России - в Казахста-

не определено предназначение административной полиции, так как дорожная полиция была упразднена в 2013 году, новое управление вышло на «новый принцип работы». Две объединенные службы - управление дорожной полицией и полка патрульной полиции - объединились в одно подразделение, став универсальным органом [4].

Дорожно-патрульная служба стала вновь в составе полиции, которая следит кроме соблюдения ПДД водителями и пешеходами еще и за порядком на улице.

В целом факторы, являющиеся катализаторами изменений, были сформулированы в августе 2012 года в ходе проводимой реформы и в ноябре 2013 г. объединение завершилась созданием «универсального органа».

Данное решение было воспринято неоднозначно, как со стороны водителей, так и со стороны общественности. Думается, что итоги данной реформы можно будет подвести только спустя определенное время. Среди плюсов объединения можно назвать ликвидацию лишней государственной структуры. Среди минусов автомобилисты называют некомпетентность обычных полицейских в ПДД. На сегодняшний день останавливать и штрафовать в Казахстане имеет право любой полицейский, в том числе и участковый уполномоченный полиции. В качестве обучения руководство департамента внутренних дел предложило создать экипаж патрульной полиции, в котором один из сотрудников будет бывший сотрудник дорожной полиции, а второй сотрудник - патрульный. Тем самым, по мнению руководства, оба полицейских будут обмениваться опытом.

На самом деле, в российской юридической литературе давно высказывается мнение о необходимости расширения компетенции ДПС ГИБДД. По мнению С.В. Бабина разграничение полномочий ДПС и ППС не является эффективным и не должно следовать принципу превалирования одних функций над другими, так как в процессе службы возникает необходимость эффективно обеспечить безопасность дорожного движения, настолько же часто возникает необходимость охраны общественного порядка [2].

Тем самым, многоаспектность данной проблемы, по нашему мнению, была бы решена в

случае участия иных полицейских подразделений в профилактике и пресечении правонарушений в области дорожного движения.

Обращаясь к законодательному регулированию, отметим, что часть 1 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011г. № 3 – ФЗ «О полиции» социальным предназначением данного органа является противодействие преступности, охране общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности.

По мнению С.А.Романьковой «социальным предназначением полиции обусловлена другая из конечных целей административно-принуждения в правоприменительной деятельности ГИБДД - административно-правовая защита» [6].

Проведенное анкетирование сотрудников ДПС ГИБДД и ППС свидетельствует о неподготовленности в нынешних реалиях полноценно реагировать и пресекать преступные деяния.

Диаграмма 1.

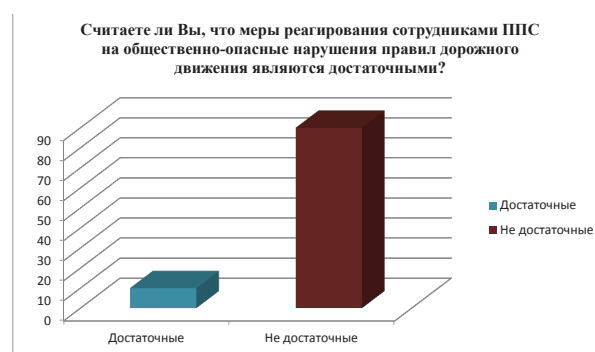
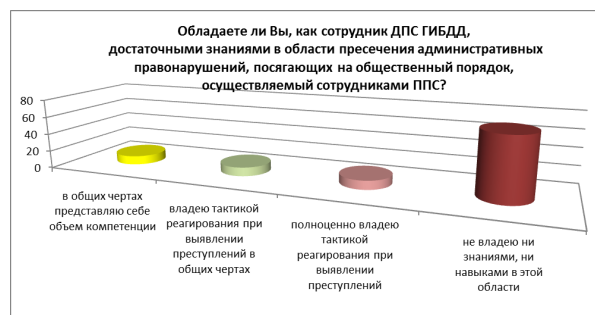

Диаграмма 2.

Проблемы заключаются в отсутствии правовых знаний, компетенций, навыков для пресечения административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, со стороны сотрудников ДПС ГИБДД, а в случае с нарядами ППС в отсутствии полномочий для полноценного реагирования.

Данный факт свидетельствует о необходимости повышения квалификации данных сотрудников в области правового просвещения, обучения, отработка на практике всех приобретенных знаний и навыков не только для пресечения преступлений и правонарушений, но с обязательным соблюдением прав человека. Действовать по принципу «научат на работе», «забудь все, чему тебя учили» - дорога в никуда.

Задача любого сотрудника полиции знать закон, «как библию», и уметь полноценно его использовать не в ущерб себе и тем, в отношении кого применяются меры пресечения.

У врачей предусмотрена ответственность за неоказание помощи больному (ст.124 УК РФ). В практике деятельности дорожно-патрульной службы бывают неоднозначные ситуации, в которых сотрудники ДПС ГИБДД становятся свидетелями фактов нарушения общественного правопорядка, однако субъектные пределы административного усмотрения не предполагают их полноценного реагирования. Деятельное участие сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД в этом случае было бы правильным. Как отмечают Антонов С.Н., Баканов К.С. «государство, наделяя инспектора ДПС определенными обязанностями и правами, в том числе на использование оружия и спецсредств, априори доверяет ему» [1].

Подобного рода ситуации выводят законодателя на необходимость изменения самой концепции работы правоохранительной службы и пересмотр субъектных пределов административного усмотрения. На сегодняшний день оно может осуществляться только органами, организациями и должностными лицами публичной администрации в рамках возложенных обязанностей и предоставленных прав. Например, субъектом усмотрения при реализации компетенции полиции может являться лишь сотрудник полиции [7].

Безусловно, не стоит забывать общие обязанности, закрепленные частью 2 ст. 27 Закона о полиции, в том числе, в отношении охраны правопорядка, превышения пределов компетенции со стороны сотрудника полиции по закону не будет, однако на практике при обращении гражданина с заявлением о преступле-

нии происходит промедление в реагировании именно из-за отсутствия знаний и навыков и не желании участвовать в этой деятельности. Инспекторы ДПС по возможности стараются избегать реагирования на факты нарушения правопорядка в общественных местах [3].

Несмотря на принятое Правительством РФ Распоряжение от 08.01.2018 N 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» [5] вопрос о компетенциях сотрудников ДПС ГИБДД так и не был затронут и реформирован.

В Правительстве неоднократно поднимался вопрос о целесообразности оптимизации системы МВД. Но сроки проведения реформы ГИБДД постоянно переносятся. В 2021 году по заявлению премьер-министра, процесс будет завершен, несмотря на ухудшение ситуации с коронавирусной инфекцией. По его мнению в ближайшие несколько лет в системе МВД произойдут более глобальные изменения. В частности, предполагается, что в период 2021-2024 гг. ГИБДД объединится с патрульно-постовой службой. Такое решение обусловлено желанием сэкономить на финансировании правоохранительных структур, учитывая, что за этим последует сокращение кадрового состава. Несмотря на то, что увольнению будут подлежать в первую очередь административные работники, это может негативно отразиться на работе системы.

Если говорить Республике Казахстан в вопросах реформирования, Министерством внутренних дел была утверждена Дорожная карта по модернизации органов внутренних дел на 2019-2021 гг. Она содержит 54 мероприятия. Продолжительность реформирования, по словам законодателей, рассчитана на три года, и предусматривает выработку новых направлений оптимизации.

Среди основных направлений следует называть: оптимизацию организуемой штатной структуры путем упразднения дублирующих должностей, повышение зарплат, улучшение жилищных условий для сотрудников, совершенствование системы отбора подготовки кадров, исключение несвойственных функций.

В результате по численности полицейских на 100 тыс. населения Казахстан с 471 до 393 снизился на среднеевропейский уровень меж-

ду Бельгией и Чехией. Сокращение было сделано не ради математики. За счет сокращения и применения этих мер государство высвободило свыше 16 млрд тенге, которые вместе с 20 млрд тг дополнительно выделенными Правительством направлены на повышение заработной платы.

Если говорить о создании взаимодействия между гражданами и правоохранительными органами, с целью увеличения доверия к правоохранителям, созданы новые форматы работы с населением, такие как: фронт-офисы, приемные на дорогах.

Подчеркивается, что большинство жалоб граждан связаны с тем, что посетив по какому-то вопросу здание полиции отсутствуют условия попасть кому-то на прием, нет нормального разъяснения, нет возможности подготовиться, подписать какое-то обращение, получить консультации.

В ходе анализа жалоб и рекомендаций в тесном взаимодействии с широкими кругами общественности пришло понимание того, что необходимо создать фронт-офисы, в которых нет никаких рамок. Никто не просит оставить телефоны. Присутствуют сотрудники, и волонтеры. Есть отдельные кабинеты для медиатора, для работы по получению госуслуг. Для оформления обращений имеется зона ожидания на 20-30 мест, магазин, санузел, телефоны, интернет и все необходимое для того, чтобы человек мог нормально подготовиться, объяснить цель своего прихода, получить компетентную консультацию и решить свои вопросы. Если есть необходимость сотрудники соответствующих служб приглашаются во фронт-офисы и дают соответствующие пояснения и консультации.

Фронт-офисы открыты в 174 отделениях полиции.

Библиография

1. Антонов С.Н., Баканов К.С. Реализация конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в производстве по делам об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. N 12. С. 33 - 43.
2. Бабин С.В. Направления совершенствования деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России в сфере охраны и обеспечения общественного порядка // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017.- № 2 (27) – С. 95.
3. Бабин С.В. Направления совершенствования деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России в сфере охраны и обеспечения общественного порядка // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017.- № 2 (27) – С. 95.
4. Дорожную полицию упразднили в Казахстане окончательно // URL: <https://tengrinews.kz/>

Приемная на дорогах предполагает непосредственную работу самих руководителей вне кабинетов (на дорогах, в скверах, парках, площадях и т.д.), в определенных многолюдных местах, о чем заранее информируется общественность.

На сегодняшний день прошло три акции с участием более 53 000 граждан. Во время проведения первой акции «Приемная на дорогах» люди обращались, в основном, за консультациями в сфере дорожной безопасности: как получить или поменять водительское удостоверение, что делать, если автомобиль поставили на штрафстоянку, как быть, если приходят штрафы, с которыми они не согласны.

В период проведения второй акции «Приемная на дорогах» граждан интересовали вопросы миграционной политики: как контролируется внутренняя миграция, как внутренним мигрантам не попасть в зону административной ответственности, каким образом приглашать иностранных гостей, как регистрировать трудовых мигрантов, вопросы разрешительной системы.

Данные акции направлены большей частью на молодежь, которой не безразлична работа правоохранительных органов и состояние политической сферы страны.

Проведение сравнительно-правового исследования показало изменение подходов Республике Казахстан к законодательному регулированию деятельности дорожной полиции и поступательное изменение взглядов на ДПС ГИБДД в России. Реформа дорожно-патрульной службы в России предваряют проводимые реформы в этой сфере и ждет своего научного осмысления через призму результатов от ее реализации.

kazakhstan_news/doroznuyu-politsiyu-uprazdniliv-kazahstane-okonchatelno-244706/ (Дата обращения: 25.02.2021)

5. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 N 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» // Российская газета. – 2018. - N 15

6. Романькова С.А. Классификация мер административного принуждения, применяемых Государственной инспекцией безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2018. N 8. С. 43 - 47.

7. Черников В.В. Административное усмотрение как объективная реальность и теоретическая проблема в трудах профессора Ю.П. Соловья // Административное право и процесс. 2018. N 7. С. 23 - 30.

References (transliterated)

1. Antonov S.N., Bakanov K.S. Realizaciya konstitucionnogo principa sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. N 12. S. 33 - 43.

2. Babin S.V. Napravleniya sovershenstvovaniya deyatel'nosti dorozhno-patruľnoj sluzhby GIBDD MVD Rossii v sfere ohrany i obespecheniya obshchestvennogo poryadka // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017.- № 2 (27) – S. 95.

3. Babin S.V. Napravleniya sovershenstvovaniya deyatel'nosti dorozhno-patruľnoj sluzhby GIBDD MVD Rossii v sfere ohrany i obespecheniya obshchestvennogo poryadka // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017.- № 2 (27) – S. 95.

4. Dorozhnuyu policiyu uprazdniki v Kazahstane okonchatel'no // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/doroznuyu-politsiyu-uprazdniliv-kazahstane-okonchatelno-244706/ (Дата obrashcheniya: 25.02.2021)

5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.01.2018 N 1-r «Ob utverzhdanii Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii na 2018 - 2024 gody» // Rossijskaya gazeta. – 2018. - N 15

6. Roman'kova S.A. Klassifikaciya mer administrativnogo prinuzhdeniya, primenyaemyh Gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2018. N 8. S. 43 - 47.

7. Chernikov V.V. Administrativnoe usmotrenie kak ob'ektivnaya real'nost' i teoreticheskaya problema v trudah professora Yu.P. Solov'ya // Administrativnoe pravo i process. 2018. N 7. S. 23 - 30.

© К.Н. Лукьянов, 2021

Ссылка на статью: Лукьянов К.Н. - Сравнительный анализ деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД в России и дорожной полиции Казахстана // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 115-119. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_115 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=29>

УДК 004

Дата направления в редакцию: 07-03-2021

Дата рецензирования: 28-03-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Колесник Екатерина Евгеньевна

*Магистр Экономического факультета,
Кубанский Государственный Университет,
E-mail: kolesnikekaterina@list.ru*

Ахмедова Милена Расуловна

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский Государственный Университет,
E-mail: mili-g1@mail.ru*

Kolesnik Ekaterina Evgenievna

*Master of the Faculty of Economics
Kuban State University
E-mail: kolesnikekaterina@list.ru*

Akhmedova Milena Rasulovna

*Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor of the Department of World Economy and
Management
Kuban State University
E-mail: mili-g1@mail.ru*

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

PRACTICAL APPLICATION OF COGNITIVE MODELING IN THE AREA OF INFORMATION TECHNOLOGY

Аннотация (на рус). Статья посвящена исследованию актуальности и выявлению современных проблем управления проектом, а также методам, с помощью которых проектный менеджер формирует конечную цель и задачи для успешной реализации проекта. Результаты проведенного исследования могут применяться проектными менеджерами в целях формирования когнитивной карты, ее дальнейшего анализа и выявления ключевых факторов, влияющих на проект внутри рассматриваемой системы и внутри команды проекта.

Abstract (in Eng). He article is devoted to the research of the relevance and detection of modern project management problems, as well as the methods by which the project manager generates the final goal and objectives for the successful realization of the project. The results of the research can be used by project managers in order to form a cognitive map, analyze it and identify key factors that affect the project within the considered system, as well as within the project team.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, когнитивный подход, автоматизация производства, когнитивные карты.

Keywords: cognitive modeling, cognitive approach, production automation, cognitive maps.

В современном мире реализовать собственный стартап, пересмотреть и реорганизовать производство, компанию, проект становится все сложнее с практической точки зрения за счет большого разнообразия методов и техник организации и управления проектами, а также стремительному движению прогресса. Каждый год появляются новые проблемы, решение которых было раньше не предусмотрено, поэтому прихо-

дится находить новые методики и модели для преодоления возникших на пути существования и роста компании трудностей.

Поэтому все актуальнее становится переход предприятий на философию Agile с использованием ее ценностей и принципов, где немаловажным является, как раз, применение когнитивного подхода.

Сейчас все актуальней делить предприятие на проектные подразделения, вне зави-

симости от спецификации и масштаба компании, а значит, формировать проектные команды, взаимоотношения между специалистами, которые не всегда поддаются расчетам и прогнозам. Для того, чтобы работа команды была эффективна, руководителю проекта необходимо оценивать обстановку и настроение внутри команды проекта, в таких случаях эффективней всего подходит когнитивный подход.

Когнитивный подход - это область моделируемых ситуаций, не опирающихся на четкие базисы и научный подход, зависящих от области применения и опыта каждого задействованного в системе участника. В Россию когнитивное моделирование пришло в начале 90-ых годов двадцатого века [4].

В отличие от классического проектного подхода, который предполагает разделение проекта на последовательные, структурированные части и шаги, когнитивный подход опирается на опыт и личные суждения проектного менеджера и команды проекта, что отражается как искажения логики в принятии проектных решений, т.к. личные суждения проектного менеджера и команды проекта носят субъективный характер. В этом случае задействуются «подразумеваемые знания», трактовку которых сформулировал Филипп Бомар [3].

Подразумеваемые знания – знания, которые присутствуют в сознании человека, применяются им на практике в повседневной и профессиональной жизни, персональные знания, опыт, которые тяжело передаются или выражаются формальным языком.

Французский ученый Бомар Филипп выделил две стороны подразумеваемых знаний [3]:

1. Когнитивные.
2. Технические.

К когнитивным знаниям относятся парадигмы, ментальные модели, репрезентации, а к техническим экспертные знания, которые применяются к конкретному контексту.

Обе формы подразумеваемых знаний можно привести к индивидуальным когнитивным моделям, в зависимости от цели и проекта.

Когнитивное моделирование – это формализация алгоритма когнитивного подхода

с учетом конечной цели и оценкой влияния каждого вычлененного фактора на участников модели. Результатом когнитивного моделирования является когнитивная карта [5].

Когнитивная карта – это оценка интеллектуального процесса принятия решений командой проекта, а также внешних специалистов, исходя из субъективного понимания каждого из них целей, среды реализации проекта и внешних влияющих факторов [6].

Когнитивная карта помогает визуализировать сложившуюся ситуацию, структурировать и упорядочить имеющуюся информацию о целях и действиях, которые необходимо применить для достижения желаемого результата, задать правильные вопросы и выявить приоритеты для дальнейшего движения и развития.

Первым этапом реализации когнитивной модели выступает обозначение четких логически взаимосвязанных целей, которые в последствие приведут к успешной реализации проекта. Установка корректных и проработанных целей, которые соответствуют основным задачам проекта, влияет на количество рисков и недочетов на всем пути реализации проекта.

Второй этап предполагает определение команды для реализации проекта, в том числе с указанием внешних специалистов, задействованных в процессе реализации.

Далее, следует третий этап, сбор требований от внешних и внутренних участников проекта. Зачастую такие требования и критерии могут быть противоречивыми или не полными для реализации. Следует выделить приоритетные направления из взаимоисключающих и нерациональных для исполнения, соответствующих конечным целям проекта.

Четвертым этапом выступает оценка рисков проекта. Когнитивное моделирование значительно увеличивает выведенные в начале пререлизного проектного анализа риски за счет большой доли неопределенности и нелогичности, что может быть решающим при принятии решения о способе управления проектом.

Закрывающим этапом, пятым, является оценка удовлетворенности. Изначально

составляется список критериев для оценки удовлетворенности, шкала для оценки выделенных параметров и целевая группа. Целевая группа, формирующая конечный результат проекта, может состоять как из потребителей, так и из топ-менеджеров компании и руководства.

Удовлетворенность от реализации проекта никогда не бывает абсолютной у всех участников проекта, поэтому необходимо разграничивать участников проекта на разные категории и оценивать их по-разному.

Когнитивное моделирование и, в целом, когнитивный подход, применяются для слабоструктурированных систем взаимодействия или работы в быстро меняющейся среде, рынке.

Нужно отметить важный факт, что использование когнитивного моделирования увеличивает риски проекта, но уменьшает время аналитики и временной лаг в качественном взаимодействии внутри команды проекта. При построении когнитивной модели учитывается темперамент каждого участника проекта, индивидуальные характеристики и взаимосвязи внутри коллектива, что позволяет руководителю проекта быстрее и качественнее доносить до персонала их индивидуальные задачи и управлять взаимоотношениями внутри команды. Но при всех положительных эффектах, за счет преобразования субъективной информации в модель появляются тонкие и уязвимые места общей структуры проекта, за счет чего повышается вероятность наступления рисков событий.

Методы когнитивного подхода могут применяться вместе или вместо классических проектных методов (водопадный, каскадный методы управления проектами). Целесообразно выделять задачи, которые будут подходить под свои методики.

Таким образом, сложные структурированные задачи, имеющие подходящие популярные решения, могут быть решены с классической точки зрения в проектном методе, а специфические, не имеющие прописанного алгоритма действий, решаются при помощи когнитивных карт и когнитивного моделирования в целом [8]. В Таблице 1 приведены примеры задач ИТ и методы их

решения.

Таблица 1 – Примеры задач ИТ и методы их решения

Когнитивный метод	Проектный метод
Проведение автоматизации рабочих мест нескольких подразделений компании	Поддержание системы получение ОС от клиентов
Проведение модернизации существующих бизнес-процессов компании	Поддержка Call-центра и IP-телефонии компании
Организация возможности удаленной работы подразделений и каждого конкретного сотрудника	Создание нового ИТ подразделения в компании

Исходя из приведенных в таблице 1 данных, можно отметить, что для когнитивного метода больше подходят сложные многоуровневые задачи, с большим количеством участников и переменных, а для проектного метода подходят проработанные и стандартные задачи, с уже отработанным кейсом для их решения.

Важно отметить, что при необходимости любая задача из перечисленного множества может быть решена любым из предложенных способов. Практичность и скорость исполнения задачи зависит от руководителя проекта и подобранной команды.

Конечным результатом реализации когнитивной модели может стать не только реализованный проект, соответствующий критериям удовлетворенности заказчиков и покупателей, но и его визуальная структурная модель, когнитивная карта.

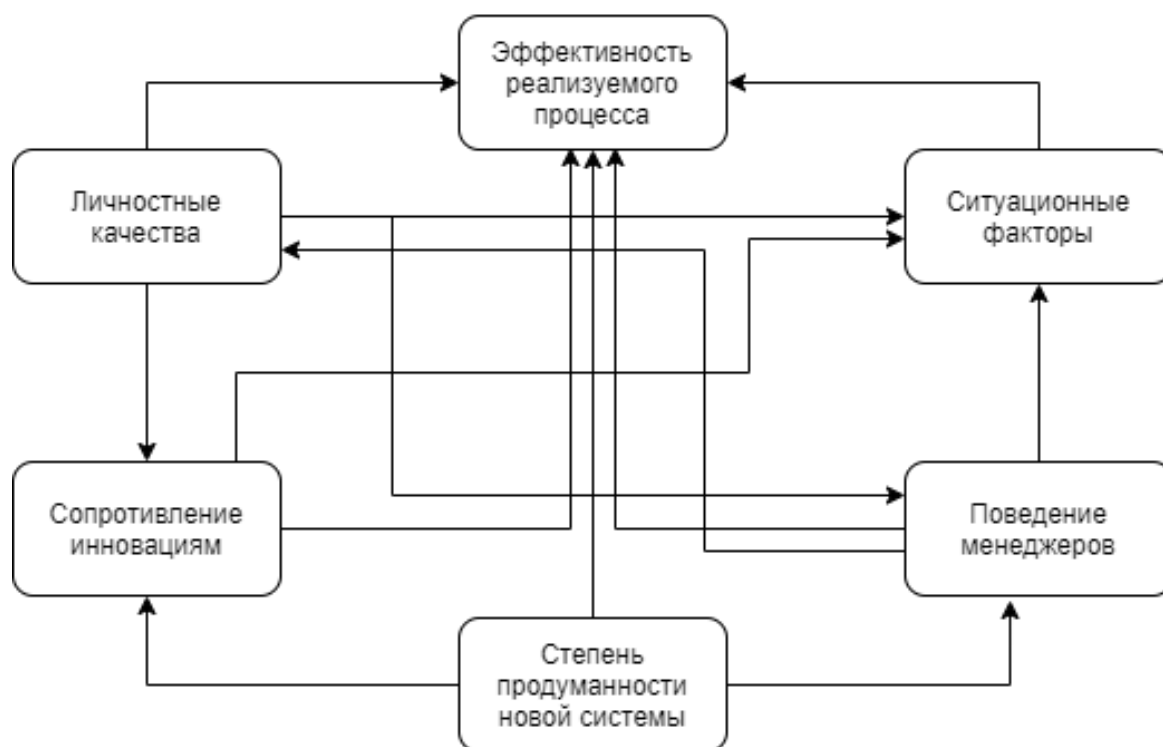

Рисунок 1 – Пример когнитивной карты: проведение автоматизации рабочих мест нескольких подразделений компании (составлено авторами)

На приведенном выше примере когнитивной карты, в результате визуализации задачи проведения автоматизации рабочих мест нескольких подразделений компании, выделены следующие ключевые факторы влияния:

- эффективность существующего процесса;
- ситуационные факторы;
- поведение менеджеров;
- степень продуманности новой системы;
- сопротивление инновациям;
- личные качества.

Исходя из таблицы, можно отметить, что параметр «Эффективность реализуемого процесса» является основным зависимым параметром, и впоследствии будет модифицироваться. Влияющие на него параметры имеют свою градацию влияния – от 0.1 до 1, где данные параметры были выделены за счет экспертного мнения анализа проектной деятельности современных компаний. Данный параметр рассмотрен в Таблице 2.

Таблица 2 – Градация влияния ключевых факторов

Степень влияния	Уровень влияния
0.1 – 0.2	очень низкое
0.3 – 0.4	низкое
0.5 – 0.6	умеренное
0.7 – 0.8	высокое
0.9 – 1	очень высокое

Таким образом, выделяем основные, влияющие на успех реализации проекта, факторы, которые рассматриваются на рисунке 2.

Выделим ключевые показатели, согласно рисунку 2:

1. Степень продуманности новой системы – 0.8, уровень влияния данного фактора имеет высокий показатель, т.к. он связан со всеми остальными параметрами, и его модификация больше всего влияет на успешность реализации проекта;

2. Сопротивление инновациям – 0.7, уровень влияния данного фактора имеет высокий показатель, т.к. сотрудники компании придерживаются привычным укладом, что препятствует внедрению новых эффективных методик;

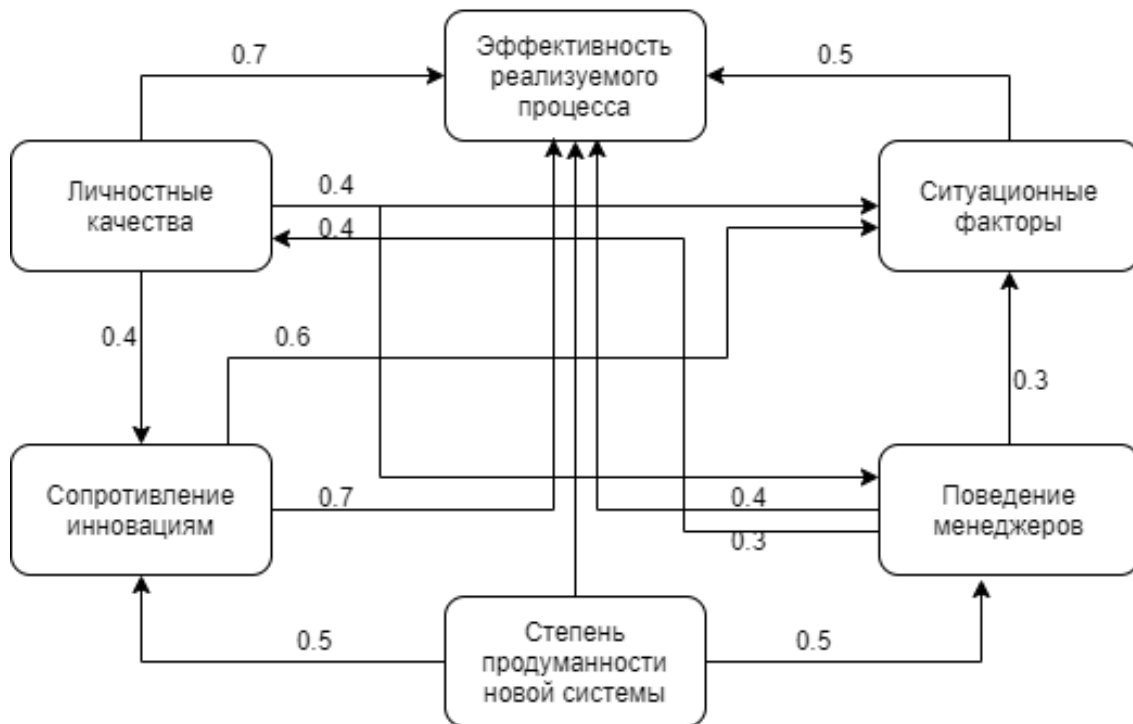

Рисунок 2 – Пример когнитивной карты: степень влияния факторов при проведении автоматизации (составлено авторами)

3. Личностные качества – 0.7, уровень влияния данного фактора имеет высокий показатель, т.к. личные качества каждого сотрудника и проектного менеджера напрямую влияют на степень эффективности реализации проекта.

Зная ключевые показатели, влияющие на конечный результат проекта, можно определить основные целевые направления для последующей их реализации.

В результате данного исследования, на приведенном для анализа примере, можно сделать вывод, что сложносоставные проектные работы в информационно-технологической сфере, являются наиболее подходящими для когнитивного моделирования.

Также структура команды проекта и моделирование структурируемой ситуации в дальнейшем станут прочной основой для развития реализуемого проекта и его успешной реализации.

В ходе проведения исследования, был выделен ключевой параметр «Эффективность реализуемого процесса», и основные факторы, действующие на него, где самыми влиятельными стали:

1. Степень продуманности новой системы – 0.8;
2. Сопrotивление инновациям – 0.7;

3. Личностные качества – 0.7.

Таким образом, общее применение когнитивного моделирования в сфере информационных технологий позволяет:

- учитывать неформальные факторы при реализации сложного многоступенчатого проекта;
- наглядно показать необходимость привлечения сторонних специалистов конкретной специализации;
- сократить время оценки некоторых задач;
- увеличивает качественное взаимодействие внутри команды проекта;
- проявить потенциальные слабые стороны проекта в процессе его планирования и последующей реализации;
- определить конфликтующие требования и требования, не соответствующие конечным целям проекта;
- применить неформальные факторы к выявленным рискам;
- получить оценку удовлетворенности потребителя и заказчика проекта.

Подведем итог из вышесказанного:

1. Применение когнитивного подхода при реализации проекта в сфере информационных технологий значительно расширяет возможности его реализации и перспек-

тивы дальнейшего применения.

2. Учет неструктурированных данных, получение объективной обратной связи и оценки удовлетворенности от реализации проекта, а также увеличенная скорость его реализации дает неоспоримое преимущество перед конкурентами.

3. Выделение наиболее существенных факторов из имеющегося множества, в каждой рассматриваемой ситуации индивиду-

ально и имеет различную эффективность.

4. Влияние факторов друг на друга субъективно, их оценка зависит от команды и менеджера проекта.

Эффективность использования полученных данных, в ходе применения когнитивного моделирования, зависит от навыков руководителя проекта и взаимоотношений внутри команды исполнителей.

Библиография

1. Авдеева З. К., Коврига С. В., Макаренко Д. И., Максимов В. И. (2007). Когнитивный подход в управлении // Проблемы управления. №3. С. 2-8.
2. Бородин В.Д. (2017). Границы применимости когнитивного подхода в ИТ проектах // Стратегии бизнеса. №10. С. 8-11.
3. Бромар Ф. (2014). Подразумеваемые знания. Интуиция против неопределенности. Х.: Гуманитарный центр Харьков, 338 с.
4. Бурый А.С., Стреха А.А. (2015). Когнитивный подход к управлению организационными изменениями предприятий // ТДР, №4. С. 3-6.
5. Быковская Е. В., Иванова А. В., Погонина Н. В. (2008). Применение когнитивного моделирования при управлении предприятием // Вестник ТГТУ. №2. С. 437-441.
6. Горелова Г. В. (2013). Когнитивный подход к имитационному моделированию сложных систем // Известия ЮФУ. Технические науки. №3 (140). С. 239-250.
7. Докукина А. А. (2001). Когнитивный подход в теории современной организации // Проблемы современной экономики (Новосибирск). №4-1. С. 8-13.
8. Лисовски К. (2017). Проектный менеджмент в ИТ. // [Электронный ресурс] // URL: <https://worksection.com/blog/it-project-management.html> // (дата обращения 20.12.2020).

References

1. Avdeeva Z. K., Kovriga S. V., Makarenko D. I., Maksimov V. I. (2007). Kognitivnyj podhod v upravlenii // Problemy upravleniya. №3. S. 2-8.
2. Borodina V.D. (2017). Granicy primenimosti kognitivnogo podhoda v IT proektah // Strategii biznesa. №10. С. 8-11.
3. Bromar F. (2014). Podrazumevaemye znaniya. Intuiciya protiv neopredelennosti. H.: Gumanitarnyj centr Har'kov, 338 s.
4. Buryj A.S., Strekha A.A. (2015). Kognitivnyj podhod k upravleniyu organizacionnymi izmeneniyami predpriyatij // TDR, №4. С. 3-6.
5. Bykovskaya E. V., Ivanova A. V., Pogonina N. V. (2008). Primenenie kognitivnogo modelirovaniya pri upravlenii predpriyatiem // Vestnik TGTU. №2. С. 437-441.
6. Gorelova G. V. (2013). Kognitivnyj podhod k imitacionnomu modelirovaniyu slozhnyh sistem // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. №3 (140). С. 239-250.
7. Dokukina A. A. (2001). Kognitivnyj podhod v teorii sovremennoj organizacii // Problemy sovremennoj ekonomiki (Novosibirsk). №4-1. С. 8-13.
8. Lisovski K. (2017). Proektnyj menedzhment v IT. // [Elektronnyj resurs] // URL: <https://worksection.com/blog/it-project-management.html> // (data obrashcheniya 20.12.2020).

© Е.Е. Колесник, М.Р. Ахмедова, 2021

Ссылка на статью: Колесник Е.Е., Ахмедова М.Р. - Практическое применение когнитивного моделирования в сфере информационных технологий // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 120-125. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_120 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=34>

УДК 621.396.67

Дата направления в редакцию: 02-03-2021

Дата рецензирования: 26-03-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Шалаева Анастасия Валерьевна
*Студентка Кубанского Государственного
Аграрного Университета им. И.Т. Трубилина,
E-mail: nastenka_ts@mail.ru*

Shalaeva Anastasia Valeryevna
*Student of Kuban State University
Agricultural University named after I. T. Trubilin,
E-mail: nastenka_ts@mail.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРНЕТ-БИЗНЕСА В РОССИИ

PROSPECTS OF INTERNET BUSINESS IN RUSSIA

Аннотация (на рус). Сейчас в России наблюдается бум предпринимательской активности в Интернете. Магазины, продвигающие различные виды товаров и услуг, начиная с одежды и заканчивая автозапчастями, открываются чуть ли не ежедневно. Конкуренция среди них крайне велика. В данной статье рассматриваются перспективы развития Интернет-бизнеса в России.

Abstract (in Eng). Now in Russia there is a boom in entrepreneurial activity on the Internet. Stores that promote various types of goods and services, from clothing to auto parts, open almost daily. The competition among them is extremely high. This article examines the prospects for the development of Internet business in Russia.

Ключевые слова: Интернет-бизнес, экономика, Россия, перспективы развития, интернет торговля.

Keywords: Internet business, economy, Russia, development prospects, Internet trade.

Современные тенденции развития бизнеса в Интернете являются весьма перспективными. С каждым годом его роль в мировой и национальной экономике возрастает. Ситуации, связанные с резким развитием Интернет-бизнеса в России и на Западе, очень схожи. Но есть и отличия, значимым из которых является непропорционально большое количество продавцов и покупателей именно в столице, по сравнению с другими регионами. Так, за последние несколько лет, рынок электронной коммерции в Москве составил более 60%.

В 2018 году объем российского рынка онлайн-торговли вырос на 59%, по сравнению с предыдущим годом, и достиг 1,66 трлн руб. Довольно серьезный вклад в развитие рынка внесли мелкие и средние интернет-продавцы, развивающие бизнес в регионах. На рост рынка также повлияло увеличение популярности определенных категорий товаров. Например, количество онлайн-заказов на мебель значительно выросло. Также, доставка еды стала пользоваться большим спросом. Актуальность данной работы определяется резким, в последние десятилетия, увеличением в стране популярности интернет-бизнеса. При этом, онлайн-торговля является не только популярным способом ведения предпринимательства,

но и объектом научных исследований [5].

Так, сущность и особенности интернет-бизнеса, как экономической категории, проблемы и перспективы развития в России широко освещены в работах: Сидоровой О.В., Комарова Н.М., Борзова М.А., Климоновой А.Н., Трибунской У.Г., Верлуп Е.В., Зеркалий Н.Г., Алымова М.О., Бочковой Е.В., Пищулиной Д.С., Нигматзяновой А.З., Ефимовой Е.В., Ищенко А.А., Горбуновой О.Н., Горбуновой Ю.И., Романова А.А., Румянцевой Ю.С., и мн. др.

Тем не менее, вопросы становления и развития отечественного электронного бизнеса остаются недостаточно изученными. Поэтому, основной целью данной работы является выявление наиболее перспективных сфер интернет-бизнеса в России, с учетом основных проблем и рисков.

В общем смысле, электронная коммерция предполагает открытие сайта, так называемого виртуального магазина, где можно совершать покупки, не выходя из дому. Это является довольно удобной функцией.

В наши дни у людей достаточно забот, которые не позволяют им бегать по различным магазинам в поисках того или иного товара. Именно поэтому интернет-бизнес стал так популярен, как за рубежом, так и в России.

Внедрение интернет-технологий в жизнь современного российского общества сейчас активно обсуждается в СМИ, ссылки на интернет-представительства появляются в рекламных сообщениях многих компаний, публикуются специальные телевизионные и радиопрограммы, посвященные современным цифровым информационным технологиям.

Интернет-бизнес – одно из самых перспективных направлений в глобальной экономике [1]. Во всем мире происходит устойчивая глобализация национальных рынков, которая дает отличную возможность развивающимся странам для расширения сфер своего экономического влияния [4].

Прекрасно видно, что с каждым днем количество отечественных компаний, располагающих возможностями действовать в пределах сетевой инфраструктуры, неуклонно возрастает, и это, конечно, объясняется, помимо всего прочего, видимым совершенствованием качества и скорости передачи информации, посредством модернизации технологического оборудования, а также расширения провайдерских сетей. Это невольно ведет к созданию и продвижению сложных коммерческих проектов и развитию дистрибуции их содержимого.

Важным преимуществом ведения интернет-бизнеса является его доступность для мелких и средних компаний, которые не преодолели бы барьеры входа на традиционные рынки. Этот аспект способствует развитию добросовестной конкуренции в экономиках современных стран и препятствует образованию монополий в силу свободной системы ценообразования.

Существует множество перспектив развития интернет-бизнеса, самым реальным из которых является становление онлайн – торговли и иных форм бизнеса, использующих Интернет, основой экономики государств. Другой важной перспективой развития онлайн-среды является повышение интернет-грамотности среди населения. На данном этапе становления электронной торговли у многих производителей возникает проблема с потребителями, которые до сих пор с недоверием относятся к покупкам в интернете или вообще не имеют доступа к сети. Повыше-

ние уровня лояльности среди потенциальных клиентов способно значительно увеличить охват деятельности интернет-компаний и расширить клиентскую базу [7].

У интернет-бизнеса помимо достоинств также существует ряд недостатков. Прежде всего, это высокая конкуренция [3]. На интернет платформе достаточно много различных сайтов и магазинов, которые готовы продать вам любую вещь, которую вы только введете в поиск. Сама конкуренция вызывает необходимость дальнейшей инновации в бизнес-модели, способе представления товаров, а не только в борьбе по ценовой политике. Жесткая конкуренция вызывает необходимость улучшить свой бизнес. Ценовое поле не единственное место, где должна быть конкуренция. Те предприниматели, которые занимаются продажей, электронными магазинами, могут выйти на новый рынок в интернет-бизнесе, покрывая те области, которые еще не тронуты, предлагая новые услуги. Здесь важна не просто торговля, а более высокий уровень обслуживания, интеграция различных офлайн-сервисов с онлайн. Есть целый мир нетронутых тем для бизнеса, услуги и товары, которые есть на Западе, но здесь еще не представлены [6].

Также покупки и иные формы осуществления экономической деятельности связаны со значительными рисками. Потребители могут с недоверием относиться к малоизвестным интернет-компаниям и отказываться совершать в них покупки. Поэтому мы приходим к своеобразному парадоксу: с одной стороны, электронная торговля способствует развитию свободной конкуренции среди производителей. Но, с другой стороны, недоверие к мелким интернет-компаниям, осуществляющим свою деятельность по предоплате, приводит к монополизации экономики в электронном сегменте. Разрешение этого парадокса является важным вектором развития рынка онлайн-сервиса на данном этапе.

К тому же, главным недостатком электронной торговли в современности является широкое распространение мошенничества в сфере денежных транзакций и переводов, самым частым из которых является фишинг. Фишинг – это совокупность приемов и методов в Интернете, позволяющих получить до-

ступ к личным данным пользователей и, что самое страшное, к их денежным кошелькам, на которых могут находиться значительные суммы. Прецеденты мошенничества как раз и приводят к негативной окраске электронной торговли в целом. Если компании смогут обеспечить качественный уровень защиты потребителей в Интернете, то это приведет к тотальному превосходству электронной коммерции над традиционными формами денеж-

ного обращения и осуществления транзакций [7].

Таким образом, интернет-бизнес вносит значительный вклад в текущее развитие российской экономики, хотя и замедляет ранее ускоренные темпы роста. Даже в сложных условиях развития российской экономики происходит ежегодный рост отечественных интернет-рынков.

Библиография

1. Верлуп Е.В. Состояние и перспективы развития интернет-бизнеса в российской Федерации // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. - №3 (55).
2. Зеркалий Н.Г. Современные методы продвижения интернет-бизнеса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2016. - №1
3. Нигматзянова А.З. Проблемы развития интернет-торговли в России // Вестник науки и образования. - 2019. - №22 (56)
4. Соловьева Ю.С., Лысенко Ю.В. Интернет-бизнес в России. // Вестник современных исследований. 2018. № 10.8 (25). С. 188-190
5. Интернет-бизнес: особенности и возможности развития в России. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41448615>
6. Развитие интернет-бизнеса в России. URL: <https://kontur.ru/articles/237>
7. Электронная торговля и интернет-бизнес. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44092513>

References

1. Verlup E.V. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya internet-biznesa v rossijskoj Federacii // Problemy ekonomiki i menedzhmenta. 2016. - №3 (55).
2. Zerkalij N.G. Sovremennye metody prodvizheniya internet-biznesa // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. - 2016. - №1
3. Nigmatzyanova A.Z. Problemy razvitiya internet-torgovli v Rossii // Vestnik nauki i obrazovaniya. - 2019. - №22 (56)
4. Solov'eva Yu.S., Lysenko Yu.V. Internet-biznes v Rossii. // Vestnik sovremennyh issledovaniy. 2018. № 10.8 (25). S. 188-190
5. Internet-biznes: osobennosti i vozmozhnosti razvitiya v Rossii. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41448615>
6. Razvitie internet-biznesa v Rossii. URL: <https://kontur.ru/articles/237>
7. Elektronnaya trgovlya i internet-biznes. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44092513>

© А.В. Шалаева, 2021

Ссылка на статью: Шалаева А.В. - Перспективы Интернет-бизнеса в России // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 116-118. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_116 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=40>

УДК 33

Дата направления в редакцию: 20-03-2021

Дата рецензирования: 26-04-2021

Дата публикации: 20-05-2021

Мохаммед Ахмед Солайман Давел*Университет творческих технологий**Лимкоквинг, Малайзия**E-mail: mohdaweel@gmail.com***Валлиаппан Раджу***Университет творческих технологий**Лимкоквинг, Малайзия**E-mail: valliappan.raju@limkokwing.edu.my***Mohammed Ahmed Solaiman Dawel***Limkokwing University of Creative Technology,**Malaysia**E-mail: mohdaweel@gmail.com***Dr. Valliappan Raju***Limkokwing University of Creative Technology,**Malaysia**E-mail: valliappan.raju@limkokwing.edu.my*

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ НА КОНТРПРОДУКТИВНОЕ РАБОЧЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В МАЛАЙЗИЙСКИХ ЧАСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ INFLUENCES OF ORGANISATIONAL AND WORK-RELATED FACTORS ON COUNTERPRODUCTIVE WORK BEHAVIOUR IN MALAYSIAN PRIVATE ORGANISATIONS

Аннотация (на рус). Цель этого исследования - изучить влияние организационных и производственных факторов и получить лучшее представление о факторах, влияющих на контрпродуктивное поведение на работе в малайзийских частных организациях. Пессимизм на рабочем месте возник как критическая проблема в литературе по менеджменту и организационному поведению. Контрпродуктивное рабочее поведение состоит из объединения действий, а также намерений, которые в основном противоречат законным интересам организации. Контрпродуктивное поведение на работе, в свою очередь, отрицательно влияет на эффективность бизнеса, в результате чего организация терпит убытки. По оценкам Ассоциации специалистов по расследованию мошенничества, компании во всем мире несут ежегодные убытки в размере 2,9 триллиона долларов США из-за мошеннических действий своих сотрудников. Учитывая эти ситуации, данное исследование направлено на определение того, какие организационные и связанные с работой факторы влияют на контрпродуктивное поведение на работе в организациях частного сектора Малайзии. Он будет проводиться на основе количественного подхода к достижению поставленных целей. Количественный метод использует научный подход для получения результатов и носит дедуктивный характер. Полученные данные также будут использоваться, которые поддаются количественной оценке, для иллюстрации взаимосвязи между независимыми и зависимыми переменными. Полученные от респондентов данные будут обработаны в программном пакете статистических данных для социальных наук (SPSS) версии 23.0 после кодирования и редактирования. Собранные данные будут проверены на полноту и правильность ввода данных в SPSS для определения взаимосвязи между переменными.

Abstract (in Eng). The purpose of this study is to examine the influences of organisational and work-related factors and gain a better understanding of the drivers that affecting the counterproductive work behavior in Malaysian private organizations. Workplace pessimism has arisen as a critical issue in the literature of management and organisational behavior. Counterproductive work behaviour comprises of the amalgamation of activities as well as intentions that mostly oppose the legitimate interest of the organization. Counterproductive work behaviour, in turn, negatively impacts the performance of the business, thus incurring a loss in the organisation. The Association of Fraud Examiners estimated that businesses worldwide suffer annual losses of USD2.9 trillion due to fraudulent activities by their employees. Considering these situations, this study aims to determine which organisational and work-related factors influencing counterproductive work behaviour in Malaysian private sector organisations. It will be conducted based on the quantitative approach to achieve the objectives. The quantitative method uses a scientific approach to produce results, and it is deductive in nature. The data obtained would also be used, which is quantifiable, to illustrate the relationship between the independent and dependent variables. The data responses received from the respondents will run in the Statistical Package for the Social Sciences (SPSS) software version 23.0 after coding and editing. The data gathered will be reviewed for completeness and proper data entry to the SPSS to determine the relationship among the variables.

Ключевые слова: организационные факторы, факторы, связанные с работой, контрпродуктивное рабочее

поведение, организационное поведение, Малазийская частная организация.

Keywords: Organizational factors, Work-related factors, Counterproductive work behavior, Organizational behavior, Malaysian Private Organization.

1.0 Introduction

Counterproductive work behavior always remains unfavorable to the organization as well as to the coworkers which includes breaking legitimate rules or laws along with the social norms (Bojarska, 2018). Any behaviour that employees engage in that goes against or hinders organisational goals and negatively affects fellow employees (Lawal, Babalola & Ordu, 2019). Examples of such counterproductive behavior include theft, sabotage, withdrawal, harassment, and drug use (Spector et al., 2016). Such behaviors are defined as “dysfunctional” because they almost invariably violate important organizational norms and harm organizations in several ways relevant to their goals, employees, procedures, productivity, and profitability (Aubé, Rousseau, Mama, & Morin, 2019). Several scandals with high profile including Worldcom and Enron covered by the mass media illustrated those unethical practices occurred among the white-collar professions. Employees who display counterproductive workplace behaviors are more likely to develop stress related problems and to resign (O’Leary-Kelly, Griffin, & Glew, 2016), and to experience low self-esteem, increased lack of confidence at work and physical and psychological pains (Griffin, O’Leary, & Collins, 2018). Therefore, by accessing the organisational and work-related factors on CWB, we may be better equipped to expose the motivational roots of such behavior.

Considering a common occurrences among organisations globally, the issue of counterproductive work behaviour in Malaysia is not exceptional. A number of public servants were condemned and arrested by the Malaysian Anti-Corruption Commission (MACC) for counterproductive work behaviour, from the year 2016 until 2019 (Aspalaila & Fatimah, 2020). A research conducted on counterproductive work behaviour and job stress that involved 162 civil servants in Malaysia found that work stress and job satisfaction have brought on a positive connection with counterproductive work behaviour (Omar, Halim, Zainah &

Farhadi, 2019; Nasir & Khairudin, 2020). In a Malaysian government organisation, Mazni & Roziah (2015) investigated the influences of related organisational factors among 220 support staff. The results demonstrated that perceived organisational support and organisational ethical climate affects interpersonal counterproductive work behaviour.

1.2 Problem Statement

There are many negative impacts of counterproductive work behavior in organisations. As stressed by Karthikeyan and Thomas (2017), counterproductive work behaviour shows a conflicting view of the employees, which in turn destroys their dedication to work and effectively function in the company. The inefficiency is further seen in their performance as they put less the amount of effort for the completion of the task assigned to them. Additionally, this impacts the profit and vision of the organisation, as Dr Bagyo (2018) states that employees are the most crucial asset for the company. These counterproductive actions incorporated by the workforce are not only against the company, but correspondingly motivates other dedicated workers to take similar steps, thereby resulting in a much bigger negative outcome for the business. Ariani (2018) suggests that these working behaviours focus on plotting against the interest of the organisation, therefore negatively impacting the performance of the company resulting in a reduction in profit as well as organisations reputation. Thus, the variables involved in the counterproductive work behaviour are identified further to study its effects on the organisation and its people.

Chirasha and Mahapa (2017) stressed that 75% of employees are actively involved in counterproductive work behaviour which includes theft, vandalism, sabotage, fraud, and voluntary absenteeism. As opined by Chang and Smithikrai (2016), approximately 25% of the workers in the company have been fired. These workers were misusing internet facilities. Ones and Dilchert (2018), has established in their research that irregular and delinquent workforce behaviours have been linked with yearly organisational loss, and it has estimated to be about \$6 to \$200 billion. According to Statistic Brain, theft among employee costs U.S. corporations \$50 billion per annum (CNBC, 2017). Thereby, the gap in the industry showcases the outline of the negative

effect the counterproductive work behaviour has on the organisation.

Based on Welbourne and Sariol (2017), it is overlooked by management because of the high severity of counterproductive work behaviour, which was small. Many companies have borne enormous financial consequences because of employees' deviant behaviour. As opined by Chernyak-Hai and Tziner (2014), the cost of human well-being that is involved is rather severe as the employee may show withdrawal from work or get back to the customers who might result in losing customers. Researchers also will need to analyse the implications of counterproductive work behaviour so that practitioners can have a systematic understanding of such behaviours. Thus, they could formulate an effective strategy to combat the spread of counterproductive work behaviour at the workplace.

Aside from the industry gaps discussed above, there are the following issues in terms of research gaps: There are minimal studies on counterproductive work behavior in the private sector in Malaysia compared to the public sector. Most of the knowledge management studies and their impacts on counterproductive work behaviour are from the western perspective.

From the review of previous studies, it is observed that more research is being done on the counterproductive work behavior in the public sector in Malaysia compared to the private sector. In the year 2014, a survey conducted by Kommen Prufen Meckern Gehen (KPMG), an audit firm, revealed that 83% of both the Malaysian public and private companies experience fraud, which is a severe form of counterproductive work behaviour. A study conducted by Zauwiyah and Hasmida in 2019 found out that organisational justice predicted cyberloafing among Malaysian employees. According to The Malaysian Current Law Journal (2004-2014) many dismissal cases under the Malaysian Industrial Department indicate there is a presence of counterproductive work behaviour among the employees (Ambikai, 2019).

Although several studies have been conducted in Malaysia on counterproductive work behaviour, most of the counterproductive work behaviour addressed is linked to the Western approach and findings. Hence, there is a need for future research in this area. In addition to that, the usage of an

Asian sample, in this context, Malaysian private sector organisations can provide evidence that can be validated on the applicability of the western findings. Many types of research conducted are related to the perspective of the west; hence the results acquired from these studies might not be relevant to the Malaysian context due to cultural and geographical differences. Currently, there is little published research investigating whether there are different patterns of counterproductive behaviour among employees (Ramshida and Manikandan, 2018). As a result, the problem statement for this study is: there are many negative impacts of counterproductive work behaviour in organisations, but there is only minimal research data on counterproductive work behaviour in the private sector in Malaysia as well as data from non-western perspectives.

1.3 Research Objectives

Based on the problem identified, outlined below are the main research objectives that have been derived for this study.

RO 1: To determine if organizational-related factors have a significant influence on counterproductive work behaviour.

RO 2: To examine if work-related has a significant influence on counterproductive work behaviour.

2.0 Literature Review

2.1 Private Sector Organisations in Malaysia

In Malaysia, the private sector will continue to lead the country towards becoming a high-income economy, according to former Finance Minister Lim Guan Eng in 2018. According to Bank Negara, the Malaysian economy expanded 4.3 percent in 2019 as it was supported by resilient private sector spending. Due to the Covid-19 pandemic, the government is looking at the private sector organisations to play a critical role in ensuring the Malaysian economic fabric remains intact in the long term, as stated in The Star Online News (2020). The importance of the private sector to the country's economy is very crucial.

Based on the Department of Statistics Malaysia, further information is discussed. At the end of quarter four of 2019, there were 8661 thousand of employees in the private sector. There are many industries involved in the private sector, namely agriculture, manufacturing,

construction, and services. In 2019, the labor force rose by 2 percent to 15.6 million people compared with 15.3 million people in 2018. Manufacturing and services sectors are the main drivers of the economy. The country's economy grew by 3.6 percent in the fourth quarter of 2019. Furthermore, in regards to the Malaysian private sector contribution to the Gross Domestic Product (GDP), it expanded by 4.3 percent last year.

2.2 Counterproductive Work Behaviour

Balducci, Schaufeli & Fraccaroli (2020) stated that organisational aspects such as procedures in place within human resources are likely to affect whether an individual gets engaged in unproductive work behaviour. As a result, counterproductive behaviour not only impacts employees but also their activities in an organisation. According to Chang et al. (2016), every organisation requires to reflect on the factors that cause counterproductive work behaviour. Counterproductive work is one of the determining factors the organisational performance (Ramshida & Manikandan, 2018).

Counterproductive work behaviour "has been given high priority in many organisations nowadays (Silva & Ranasinghe 2017). In addition to that, a study conducted by Tuna, Ghazzawi, Yesiltas, Tuna & Arslan (2016) mentioned that to receive competitive advantage and job satisfaction, the study on counterproductive work behaviour is necessary for any organisation. Different studies have analysed the counterproductive work behaviour in various aspects."

Counterproductive "work behaviour can be both individually and collectively enacted, according to Karthikeyan & Thomas (2017). Many different factors can contribute to counterproductive work behaviour in an organisation, from personality to organisational-related factors. According to Yu (2014), the stressor emotion model is an excellent way to explain the factors causing counterproductive work behaviour. The author stated that counterproductive work behaviour is a product of personality and how it interacts with organisational stressors.

2.2.1 Relevance of Counterproductive Work Behaviour in Malaysia

There "are many studies conducted related to

counterproductive work behaviour from various aspects of Malaysia. A study conducted by Low, Sambasivan & Ho (2019) among 337 nurses working in six public hospitals in different departments in Malaysia found out that nurses experience injustice when subjected to abusive supervision and engage in counterproductive work behaviour. Big Five personality traits were used to determine the counterproductive work behaviour of employees in the manufacturing firm in Muar, Johor. The results showed a negative relationship between neuroticism and agreeableness, while extraversion, openness, and conscientiousness have a positive correlation (Ismail, Ashfaq, Panatik Jaes & Yan, 2018). According to Alias et al. (2018), individual-related factors predicted counterproductive work behaviour. The respondents were 429 support personnel in Malaysian public service organisations. By analyzing other studies relevant to counterproductive work behaviour in Malaysia, it enables the researcher to understand the importance of this topic.

2.3 Organisational-related Factors

2.3.1 Organisational Ethical Climate

The term organisational climate was first introduced by Victor & Cullen in 1987. There are six dimensions of organisational ethical climate, which are rules, corporate instruments, organisational concern, individual concern, independence, and individual instrument. Organisational climate is characterised as the attitudes of employees towards ethics and the way they view their working atmosphere, whether good or bad (Appelbaum, Deguire & Lay, 2015)."

This "theory indicates that an employee's moral conduct can be influenced. Another definition of organisational ethical climate is an individual's view about the common perception of organisational policies, practices, and procedures with moral concerns (Kim, 2020). Thus, it is the behaviour of the employees, which affects the climate. Organisational ethical climate carries from an individual, group, culture, and values. Referring to the organisation context, policies, procedures, and code of ethics influence employees' behaviour (Shin, 2017). Organisational ethical climate, as defined by Appelbaum, Deguire & Lay, 2015, will be used

in this study

2.3.2 Organisational Justice

According to Susanna Baldwin (2016), the term organisational justice refers to the degree to which employees view procedures, interactions, and outcomes as equal in the workplace. Perceptions may influence positive or negative attitudes and behaviour. This will influence the performance and success of the organisations.

This theory consists of three dimensions, namely, distributive, procedural, and interactional justice. Distributive justice is the fairness of distributing the awards or resources in the organisation to the employees (Lam, Schaubroeck & Aryee, 2012). As for procedural justice, it relates to the process of the distributions being conducted by the management is fair or not (Poon, 2017). As for interactional justice, it refers to the perceived fairness of interpersonal treatment (Olkkonen & Lipponen, 2016). Organisational justice relates directly to the role of fairness in the workplace. Organisational justice, as defined by Baldwin (2016) will be used in this study.

2.3.3 Perceived Organisational Support

Perceived “organisational support is defined to employees’ general belief that their organisation values their contributions and cares about their well-being (Rhoades & Eisenberger, 2012). Thus, it would increase the employee’s obligation to assist the organisation in meeting its goals. According to the social exchange theory, perceived organisational support invokes the norm of reciprocity and produces a felt obligation to repay (Hsi, 2017). According to Ziaaddini & Farasat (2018), perceived organisational support is the perception and belief of an employee that his or her interest and his or her involvement in the organisation’s accomplishments are considered imperative by the organisation.”

There “are four dimensions in perceived organisational support, such as honesty, supervisor support, job conditions, and organisational rewards. The employees in the workplace will have a particular interest in their organisation if they believe that their organisation is providing them with security and recognize their services. By doing so, it would increase the employees’ involvement in the organisation. Perceived organisational support, as defined by Rhoades & Eisenberger (2012), will be used in this study.

2.3.4 Trust in Organisation

Trust “in organisation is referred to an employee’s trust and belief towards the management in cultivating the relationships within the organisation (Alias et al., 2018). Trust in organisation is a valuable resource in the organisation. Trust is conceptualized as an individual belief in truthfulness, benevolence, and sincerity of others (Rahim, Noranee, Othman, Shabudin & Anis, 2018). When there is a high level of trust in organisation, better cooperation in the workplace can be cultivated.”

Therefore, “trust in organisation can create an environment whereby the employees are willing to build an honest relationship with the management. Mineo (2014) argues that trust in organisation is seen as a long-term investment that allows the success of the individual and the organisation as it has a robust employee-employer relationship. Trust in organisation, as defined by Rahim, Noranee, Othman, Shabudin & Anis (2018), will be used in this study.

2.4 Work-related Factors

2.4.1 Work Stress

Work stress “is also known as job stress and occupational stress. Work stress is defined as a harmful reaction that people have to undue pressures and demands placed on them at work (Bhui, Dinos, Gallant-Miecznikowska, de Jongh & Stansfeld (2016). The authors argued that work stress could cause physical illness as well as psychological distress and mental illness. This is supported by Chirasha & Mahapa (2017), stating that work stress may affect employees’ behaviours which in turn leads to various misconduct.”

According to Yan & Xie (2016), “a series of physiological, psychological, and behavioural responses due to the continuing effects of one or more stressors on the individual in an organisation is known as work stress. It can affect organisational performance and work quality. National Institute of Occupational Safety and Health (NIOSH) defined work stress as the harmful physical and emotional responses that happen when job requirements do not match the worker’s capabilities, resources, and needs. Work stress, as defined by Yan & Xie (2016), will be used for this study.”

2.4.2 Job Autonomy

Job autonomy “is defined as the extent to which an employee has his or her own liberty and freedom in determining the pace; order approaches in completing a task (Volmer, Spurk & Niessen, 2017). According to Fodchuk (2017), job autonomy refers to the level of control and freedom an employee has in his or her job. The employees feel free and can control their careers.”

Job autonomy “refers to the freedom employees are allowed when performing their tasks and includes the amount of choice they have on the methods or procedures they use, the schedule to which they follow, and the criteria they use to evaluate them (Alias et al., 2018). The employees, therefore, have the discretion to decide to act in the way they fit best. Job autonomy, as defined by Volmer, Spurk & Niessen (2017), will be used for this study

2.5 Theoretical Framework

Theories used to relate the study of counterproductive work behaviour are the Social Exchange Theory (SET) and the General Strain Theory (GST).

2.5.1 Social Exchange Theory (SET)

A well-known sociologist named George Homans introduced the Social exchange theory in 1958 according to Cengage Publication (2020). He clarified the social exchange theory is a philosophy based on the notion that a relationship is generated through a cost-benefit analysis process between two individuals. In the past, several researchers including Mitchell and Ambrose (2017) and Glomb and Liao (2003) have adapted to Social Exchange Theory to explain the occurrence of counterproductive work behaviour.

This theory predicted that employees who perceive that they do not receive favourable treatment from their management or the organisations were more likely to get involved in the counterproductive work behaviour. According to Mazni et al. (2018) and Chernyak-Hai & Tziner (2014), social exchange theory was used to describe the occurrence of counterproductive work behaviour. Thus, Social Exchange Theory highlights that a person tends to be dissatisfied if they received treatment, which is unfavourable to them from their superior.

2.5.2 General Strain Theory

Robert Agnew introduced general strain

theory in 1992. It seeks to identify the strains that would cause counterproductive work behaviour. In addition to that, individuals who experience stress become upset and tend to commit a crime. General strain theory tends to generate negative emotions such as frustration, anger, depression, and despair, according to Oxford Research Encyclopedias.

The theory stressed that the presence of strains increases the likelihood of conducting counterproductive work behaviour. This theory has significant effects of pressure on negative emotions as well as counterproductive work behaviour (Jang & Johnson, 2003). According to Shadmanfaat, Cochran, Muniz & Kabiri (2019), data from their study on deviant behaviour among soccer fans supported Agnew’s theory on aggression.

3.0 Recommendation

Although numerous past researches indicated that there are many predictors caused by counterproductive work behaviour, this study only focuses on six independent variables, namely organisational ethical climate, organisational justice, perceived organisational support, trust in organisation, work stress and job autonomy. There are many other predictors which may be essential in determining the relationship among the dependent variable that is not covered under the research objective of this study. Therefore, future researchers should consider analysing other predictors involved in counterproductive work behaviour in private sector organisations. This allows the management to obtain a comprehensive understanding of why employees engage in counterproductive work behaviour in a specific work setting.

Future studies can be conducted on successful private sector organisations to determine which factors are impacting their business. The information gathered from this finding will act as a tool for other organisations in building their competitiveness level in the industry. This, in the long run, will boost the organisations’ overall income and prestige as well as developing our country. Researchers should conduct deliberate research studies on the consequences of counterproductive work behaviour. Thus, it can contribute to building a friendly organisational environment and healthy relationship among the

employees as well as their subordinates (Alias et al., 2018).

Management needs to develop a mechanism to identify and select the potential candidates for their organisations. The current background checks need to be enhanced and a vetting system must be placed to monitor employees with a high tendency to engage in counterproductive work behaviour. In addition to the above, a different study approach such as qualitative study can be used in the future to generate other findings which will be useful for all.

4.0 Scope of the Study

The scope of the study involves employees in the Malaysian private sector who have full time and permanent basis employment and served in their current organisations for more than a year. Organisations are becoming more competitive these days due to globalization. Therefore, the factors affecting counterproductive work behaviour need to be emphasized by the management of the organisations in order to eliminate the worst scenarios. Counterproductive work behaviour is both expensive for the organisation and employees. It violates organisational norms; the achievement of goals can be jeopardized and threatens the harmonious relationship among the employees and their organisation as a whole. According to Ahmed, Kamil & Ishak (2018), the extant study has shown that the poor well-being of employees in a workplace is detrimental to the efficiency and effectiveness of organisations.

Although counterproductive work behaviour has been studied in previous research this study may be the first to study the organisational-

related factors and work-related factors among Malaysian private sector employees. Furthermore, this research also fulfills the demand for more empirical research on any other potential predictors in counterproductive work behaviour. This will study provide added value for theoretical evolution, policy development, and guidance. The findings in this study will offer future researchers an opportunity to study more in-depth on the existence of counterproductive work behaviour, factors, and its effects on the employees, organisation, and the community. In addition, there have been several incidents in recent times linked to counterproductive work behaviour. By understanding the importance of evaluating the variables, organisations can minimize the risks of this negative behaviour in their environment and adds contribution in terms of data from non-western perspective.

5.0 Conclusion

By examining the nature of counterproductive work behaviour and its predictors, management can understand and develop policies to eradicate this negative behaviour. Employers must be able to understand which predictors that impact counterproductive work behaviour in their organisation so that they can manage a healthy environment. Furthermore, the employees will be motivated and remain productive in the organisation when they are valued and appreciated. Topics related to counterproductive work behaviour must be incorporated into Human Resources Department courses. By doing so, future employees will be aware of the issues they might face and take up prompt action to address the issue.

References

1. Abdullah, A., & Halim, F. W. (2016). The influence of work ethic and counterproductive work behaviour of civil servants. *Journal of Technology Management and Business*, 3(1).
2. Ahmed, O. M., Kamil, B. A. M., & Ishak, A. K. (2018). Influence of Perceived Stress and Organizational Justice on Employee Wellbeing amongst Academia: A Conceptual Paper. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 8(8).
3. Alias, M., & Rasdi, R. M. (2015). Organizational predictors of workplace deviance among support staff. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 172, 126-133.
4. Alias, M., Chew, K. W., Ahmad, Z., & Abdul Mutalib, A. (2018). Workplace deviant behavior among Malaysia hotel employees. Does organizational factors matter? *Workplace Deviant Behavior among Malaysia Hotel Employees. Does Organizational Factors Matter?*
5. Alias, M., Rasdi, R. M., Ismail, M., & Samah, B. A. (2018). Predictors of workplace deviant behaviour: HRD agenda for Malaysian support personnel. *European Journal of Training and Development*.

6. Appelbaum, S. H., Deguire, K. J., & Lay, M. (2015). The relationship of ethical climate to deviant workplace behaviour. *Corporate Governance: The Int J of Effective Board Performance*, 5(4), 43-55.
7. Ariani, D. W. (2018). The relationship between employee engagement, organizational citizenship behavior, and counterproductive work behavior. *International Journal of Business Administration*, 4(2), 46.
8. Aubé, C., Rousseau, V., Mama, C., & Morin, E. (2019). Counterproductive behaviors and psychological well-being: The moderating effect of task interdependence. *Journal of Business and Psychology*, 24, 351-361
9. Balducci, C., Schaufeli, W. B., & Fraccaroli, F. (2020). The job demands–resources model and counterproductive work behaviour: The role of job-related affect. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 20(4), 467-496.
10. Baldwin, S. (2016). *Organisational justice*. Brighton: Institute for Employment Studies.
11. Bhui, K., Dinos, S., Galant-Miecznikowska, M., de Jongh, B., & Stansfeld, S. (2016). Perceptions of work stress causes and effective interventions in employees working in public, private and non-governmental organisations: a qualitative study. *BJPsych bulletin*, 40(6), 318-325.
12. Chang, K., & Smithikrai, C. (2016). Counterproductive behaviour at work: an investigation into reduction strategies. *The International Journal of Human Resource Management*, 21(8), 1272-1288.
13. Chernyak-Hai, L., & Tziner, A. (2014). Relationships between counterproductive work behavior, perceived justice and climate, occupational status, and leader-member exchange. *Journal of work and organizational psychology*.
14. Chirasha, V., & Mahapa, M. (2017). An analysis of the causes and impact of deviant behaviour in the workplace. The case of secretaries in state universities. *Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences*, 3(5), 415-421.
15. Czarnota-Bojarska, J., (2018). Counterproductive work behavior and job satisfaction: A surprisingly rocky relationship. *Journal of Management & Organization*, 21, pp 460-470doi:10.1017/jmo.2018.15
16. Dr. Bagyo, Y. (2018). *The Effect of Counterproductive Work Behavior (CWB) And Organizational*
17. Fodchuk, K. M. (2017). Work environments that negate counterproductive behaviors and foster organizational citizenship: Research-based recommendations for managers. *The Psychologist-Manager Journal*, 10(1), 27-46.
18. Glomb, T. M., & Liao, H. (2003). Interpersonal aggression in work groups: Social influence, reciprocal, and individual effects. *Academy of Management journal*, 46(4), 486-496.
19. Hsi, E. (2017). *An Examination of Predictors of Counterproductive Work Behaviors: Personality Traits and Transformational Leadership*.
20. Ismail, F., Ashfaq, M., Panatik, S. A., Jaes, L., & Yan, W. M. (2018). The Relationship Between Big Five Personality Traits and Counterproductive Work Behaviour. *International Journal of Engineering & Technology*, 7(3.30), 63-65.
21. Karthikeyan, C., & Thomas, P. (2017). A review on Impact of Counter Productive Work Behaviour (CWBs) in Organisations A Leaders Psychology perspective. *International Journal of Management, IT and Engineering*, 7(7), 18-45.
22. Kim, S. Y. (2020). *Exploring the Linkages Among Employee Communication, Relational Trust, and Ethical Organizational Climates in Employee-organizational Relationships* (Doctoral dissertation, University of Florida).
23. Lam, S. S., Schaubroeck, J., & Aryee, S. (2012). Relationship between organizational justice and employee work outcomes: a cross-national study. *Journal of organizational behavior*, 23(1), 1-18.
24. Low, Y. M., Sambasivan, M., & Ho, J. A. (2019). Impact of abusive supervision on counterproductive work behaviors of nurses. *Asia Pacific Journal of Human Resources*.
25. Mineo, D. L. (2014). The Importance of Trust in Leadership. *Research Management Review*, 20(1), n1.
26. Ng, T. W., Lam, S. S., & Feldman, D. C. (2016). Organizational citizenship behavior and counterproductive work behavior: Do males and females differ?. *Journal of Vocational Behavior*, 93, 11-32.
27. Olkkonen, M. E., & Lipponen, J. (2016). Relationships between organizational justice, identification with organization and work unit, and group-related outcomes. *Organizational behavior and human decision processes*, 100(2), 202-215.
28. O'Leary-Kelly, A. M., Griffin, R. W., & Glew, D. J. (2016). Organization-motivated aggression: A research framework. *Academy of Management Review*, 21, 225-253.
29. Penney, L. M., & Spector, P. E. (2015). Job stress, incivility, and counterproductive work behavior (CWB): The moderating role of negative affectivity. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 26(7), 777-796.
30. Poon, J. M. (2017). *Distributive Justice, Procedural Justice, Affective Commitment, and Turnover*

Intention: A Mediation–Moderation Framework 1. *Journal of Applied Social Psychology*, 42(6), 1505-1532.

31. Rahim, A. R. A., Noranee, S., Othman, A. K., Shabudin, A., & Anis, A. (2018). Organisation Restructuring: The Influence of Interpersonal Conflict, Anomie, and Trust in Management on Counterproductive Work Behaviour. *International Journal of Management and Sustainability*, 7(2), 83-92.

32. Ramshida, A. P., & Manikandan, K. (2018). Organizational commitment as a mediator of counterproductive work behavior and organizational culture. *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*, 2(2), 59-69.

33. Rhoades, L., & Eisenberger, R. (2012). Perceived organizational support: a review of the literature. *Journal of applied psychology*, 87(4), 698.

34. Sharkawi, S., Rahim, A. R. A., & AzuraDahalan, N. (2018). Relationship between person organization fit, psychological contract violation on counterproductive work behaviour. *International Journal of Business and Social Science*, 4(4).

35. Sharma, A., & Thakur, K. (2016). Counterproductive Work Behaviour: The Role of Psychological Contract Violation. *International Journal of Multidisciplinary Approach & Studies*, 3(1).

36. Shin, Y. (2017). CEO ethical leadership, ethical climate, climate strength, and collective organizational citizenship behavior. *Journal of Business Ethics*, 108(3), 299-312.

37. Shoss, M. K., Eisenberger, R., Restubog, S. L. D., & Zagenczyk, T. J. (2018). Blaming the organization for abusive supervision: The roles of perceived organizational support and supervisor's organizational embodiment. *Journal of Applied Psychology*, 98(1), 158.

38. Spector, P. E., Fox, S., Penney, L. M., Bruursema, K., Goh, A., & Kessler, S. (2016). The dimensionality of counterproductivity: Are all counterproductive behaviors created equal? *Journal of Vocational Behavior*, 68, 446-460.

39. Tuna, M., Ghazzawi, I., Yesiltas, M., Tuna, A. A., & Arslan, S. (2016). The effects of the perceived external prestige of the organization on employee deviant workplace behavior. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*.

40. Volmer, J., Spurk, D., & Niessen, C. (2017). Leader–member exchange (LMX), job autonomy, and creative work involvement. *The Leadership Quarterly*, 23(3), 456-465.

41. Welbourne, J. L., & Sariol, A. M. (2017). When does incivility lead to counterproductive work behavior? Roles of job involvement, task interdependence, and gender. *Journal of occupational health psychology*, 22(2), 194.

42. Yan, H., & Xie, S. (2016). How does auditors' work stress affect audit quality? Empirical evidence from the Chinese stock market. *China Journal of Accounting Research*, 9(4), 305-319.

43. Yang, L. Q., Johnson, R. E., Zhang, X., Spector, P. E., & Xu, S. (2018). Relations of interpersonal unfairness with counterproductive work behavior: The moderating role of employee self-identity. *Journal of Business and Psychology*, 28(2), 189-202.

44. Yu, C. (2014). *The Reality of Counterproductive Work Behaviours*. Auckland: The University of Auckland.

45. Ziaaddini, M., & Farasat, E. (2018). Perceived organizational support and deviant behavior. *Journal of Basic and Applied Scientific Research*, 3(5), 517-528.

© Mohammed Ahmed Solaiman Dawel; Dr. Valliappan Raju, 2021

Ссылка на статью: Mohammed Ahmed Solaiman Dawel; Dr. Valliappan Raju - Influences of organisational and work-related factors on counterproductive work behaviour in Malaysian private organisations // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2021. - №8. – С. 119-127. DOI: 10.36616/2686-9837_2021_8_119 URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2021-8/articles?View&page=43>